

Ника Коваль

ДО КОСТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

18+

Ника Коваль

До кости

«Автор»

2026

Коваль Н.

До кости / Н. Коваль — «Автор», 2026

Они думали, что прошли через самое страшное. Они ошибались. Эмма Грей попала в руки Луки Морсбрингера. Не маньяка, а художника агонии, который превращает человеческую боль в произведения искусства. Его галерея — это бетонный бункер, его краски — человеческий страх, его холст — живое тело. Кристофер Блэк, наёмный убийца, знающий все о причинении боли, впервые в жизни чувствует панику. Чтобы спасти её, ему придётся нарушить своё главное правило: никогда не чувствовать. Его единственный путь — через ад собственных демонов, кровавую бойню с людьми Морсбрингера и хрупкое перемирие с Риком, для которого он стал непредсказуемой бомбой. Спасение будет стоить дорого. Оно оголит нервы, сломает кости и поставит вопрос: что останется от них, когда с кожи будет содрано абсолютно всё? Финальная часть мрачного психологического триллера, где любовь — это диагноз, а спасение — самый болезненный разрез из всех.

© Коваль Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предупреждение	5
ГЛАВА 1. ЭММА	7
ГЛАВА 2. ЭММА	14
ГЛАВА 4. ЭММА	32
ГЛАВА 5. КРИСТОФЕР	40
ГЛАВА 6. КРИСТОФЕР	50
ГЛАВА 7. ЛУКА	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Ника Коваль

До кости

Предупреждение

Финальная часть дилогии «Вскрытие» – «До кости» намного мрачнее и более жестокая, чем первая. В ней собрано множество триггерных ситуаций, которые подойдут не всем читателям. Прошу вас ознакомиться с ними, прежде чем приступать к чтению!

Триггеры:

- подробное описание сцен сексуального насилия (очень подробно)
- сексуализированные игры с кровью
- использование ножей и других опасных предметов для заполнения душевной боли
- сексуальные отклонения разных характеров (очень разных)
- удушение
- связывание веревками и сковывание цепями
- убийства и подробное описание расчленения
- полное погружение в разум психопата
- пытки разных характеров
- абьюз
- обращение с человеком, как с куклой и животным
- жестокое обращение с животными
- слом личности
- упоминание и использование запрещенных веществ
- суицидальные мысли
- нецензурная брань
- кинк на подчинение
- ПТСР и другие психологические проблемы

Эта часть НАМНОГО мрачнее первой, некоторые сцены могут показаться слишком подробны, поэтому, пожалуйста, отнеситесь к этому серьезно. Ваше психическое здоровье важно! Но если вас ничего из перечисленного не напугало – приятного чтения:)

Наркотики – зло! Данная книга не призывает идти против закона и совершать вещи, способные навредить вашему здоровью. Берегите себя.

ЛЮБОЕ НАЧАЛО ВЕДЕТ К КОНЦУ.

И где ты оказалась? К чему привела твоя борьба?

Ты думала, что сможешь выйти из этого ада живой? Наивная, глупая девочка. Погубила столько жизней и думает, что спасение предателя затмит все её грехи.

Да и он никакой не предатель, он лишь тот, кто хотел быстрее очистить этот мир от такого мусора, как ты.

Но ты, сволочь, выжила и продолжала рушить жизни своих близких.

Ты боролась за правду? Забавно. Единственная правда в том, что ты — ошибка природы. И Лука Морсбрингер просто хирург, который попытается эту ошибку... красиво исправить.

Помнишь запах крови Лины в том переулке? Сладковатый, медный, теплый. Здесь будет пахнуть так же. Только это будет твоя кровь, Эмма. И её будет больше.

Алис. Что с ней? Думаешь, что она сможет после всего общаться с тобой? ДУРА.

Она даже смотреть на тебя не захочет, ведь по твоей вине её чуть не расчленили.

А Крис... Надейся, что он забудет о тебе. Ему не нужна такая. Ему не нужна ты.

Что? Ищет тебя? Желаю, чтобы он опоздал ровно настолько, чтобы увидеть, во что ты превратилась. Чтобы отражение в его глазах стало для тебя последним, что ты увидишь. Ты ведь этого боишься больше всего? Стать для него чудищем?

Ты хотела увидеть монстра? Увидишь. Я даже рада, что тобой занялся тот, кто умеет потрошить души людей так искусно.

— Мы начнём с малого, — прошептал где-то очень близко бархатный голос.

Слышишь? Он говорит «мы». Он знает, что я здесь. Он говорит со мной. Мы будем работать над тобой вместе.

— Сломать такую сложную конструкцию, как душа, — это искусство.

Ты — наша картина, Эмма. Наши шедевры. И мы будем рисовать, пока холст не разорвется.

Умирать ты будешь медленно и мучительно. Твари недохнут быстро. Никогда.

Молись, чтобы твой организм оказался слабым и не выдержал, иначе твои муки будут длиться вечно. Хотя...

Для меня будет большое удовольствие наблюдать за твоими болевыми припадками и слушать твои истошные крики. Сколько трупов на твоих плечах? А сколько ещё будет...

Ты же понимаешь, что всё это заслужила. Нужно было, чтобы он забрал тебя ещё тогда, в переулке.

Может, так бы некоторые из твоих близких остались живы. Или хотя бы были счастливы.

Без тебя.

Всегда без тебя.

Зачем ты родилась?

Зачем продолжала бороться?

Зачем ты отравляешь мир?

Сдохни.

Просто сдохни, чтобы больше никому не причинять боль.

Желаю тебе удачи и быстрой смерти, дорогая Эмма.

Твой кошмар только начинается.

И в этот раз ты не сможешь просто проснуться.

ОН. НИКОГДА. НЕ. ЗАКОНЧИТСЯ.

Увидимся в Аду, мусор.

Твой приятель

Келл.

ГЛАВА 1. ЭММА

Холодно. Жарко.

Сыро. Сухо.

Больно. Невыносимо больно.

Где?

Внутри?

Снаружи?

Не понимаю.

Где я? Что было? Чем пахнет?

Что это за запах..? Тяжёлый... Вязкий... Тошнотворный запах чего-то... Чего..? Крови? Гнили? Смерти?

Не знаю.

Звуки. Какие? Что-то невыносимо режущее слух. Чёрт... Что это?

Голова болит. Нет. Не просто болит. Она раскалывается. Словно по вискам беспрерывно бьют молотком.

Удар. Удар. УДАР.

Тело. Тяжёлое. Как будто налито тяжёлым металлом. Двигается? Вроде... Да.

Ноги – болят.

Руки – болят.

Внутри – болит.

Невыносимо. Остро. Ужасно.

[illegible]

Горло сдавливает огромный ком. Я не могу дышать. С губ срываются только жалкие хрипы и болезненные стоны. Нужно открыть глаза. Ресницы слиплись из-за высохших слёз. Веки стали не подъёмными. *Открой глаза!*

Проходит секунда. Другая. Веки начинают медленно, с сухим хрустом разлипаться. Сначала узкая щель, залитая размытым слепящим светом. Он режет мозг, и я зажмуриваюсь, снова сдавленно простонав. Боль в черепе закружилась, как торнадо из осколков стекла.

Терпеть. Нельзя оставаться здесь, где бы это «здесь» ни было.

Второй рывок. Я открываю глаза.

Потолок. Грязно-белый, с паутиной трещин, расходящихся от люстры. Люстра – старинная, с потускневшими хрустальными подвесками. Висит криво, будто кто-то пытался её сорвать. Она раскачивается. Едва заметно. Но этого достаточно, чтобы тени по стенам поползли, как живые, растягиваясь и сжимаясь в такт её скрипу.

Я поворачиваю голову. Шея скрипит, каждый позвонок отзывается острой ржавой болью. Моё зрение постепенно настраивается.

Комната. Пустая, если не считать меня. Паркет подо мной тёмный, липкий от... чего? Я не хочу смотреть. Обои, когда-то благородные, с цветочным узором, теперь облуплены, в пятнах плесени и чего-то тёмно-коричневого, вьевшегося в самую бумагу. Окно завешано грязной порванной тканью. Но сквозь дыры пробивается серый безжизненный свет. Утро? Вечер? День?

Я пытаюсь поднять руку, чтобы потереть лицо. Мышцы вопят в протесте. Рука подчиняется медленно, будто через густую паутину. Пальцы касаются щеки. Кожа влажная, холодная и... липкая. Я ставлю руку перед лицом. Кончики пальцев окрашены в бурый, почти чёрный цвет. Это не грязь. Она слишком тёмная. И этот запах... теперь он исходит прямо от меня. Тяжёлый, металлический, сладковато-гнилостный.

Запах крови.

Паника, острая и леденящая, вонзается в грудь лезвием. Я резко сажусь. Мир наклоняется, плывёт, в висках стучит. Я опираюсь ладонями о тот самый липкий паркет, чтобы не рухнуть обратно. Дыхание срывается на короткие, хриплые рывки.

Что произошло?

Память – сплошная непроглядная стена тумана. В ней вспыхивают лишь обрывки, лишённые смысла: вспышка света, чужие голоса. Крики. Чей-то насмешливый голос. Звуки хаоса и боли. Боль в ноге, чувство падения... и этот всепроникающий тошнотворный ужас, который поглотил меня с головой.

Я осматриваю себя. На мне какая-то одежда — простая, тёмная, не моя. Она мятая, в пятнах. На руках царапины, ссадины, а на левом запястье... синяк. Отчётливый, в форме пальцев. Чьих-то пальцев.

На ноге чуть ниже колена окровавленная повязка. Огнестрельное?

Не помню. Не помню. Не помню!

Кто это сделал? И... зачем?

Я должна встать. Я должна выбраться отсюда.

Собрав всю волю в кулак, я подтягиваю ноги, упираюсь ступнями в пол. Мышцы дрожат от напряжения. Один толчок. Два. На третий мне удаётся подняться. Я стою, пошатываясь, как новорожденный оленёнок на льду. Ладонь встречается со стеной, ища поддержки. Боль в ноге стреляет со всей силой, что заставляет меня пошатнуться и закусить до крови губу. Голова кружится, в ушах стоит высокий непрерывный звон.

Внезапно из-за старой двери, массивной, с облупившейся краской, доносится звук. Скрип.

Тихий. Один-единственный. Будто кто-то аккуратно, очень осторожно, наступил на старую половицу в соседней комнате. И замер.

Я замираю вместе с ним. Сердце бьётся так громко, что кажется, его эхо отражается от стен. Весь мир сжимается до этой двери и до тишины за ней.

Кто там?

Думай, Эмма. Вспоминай!

Шаг.

Очертания ботинка.

Шаг.

Лаковые.

Шаг.

Фигура. Высокая, мрачная, угрожающая, знакомая.

Лицо... Не могу разобрать. Оно размытое, словно в каком-то фильме ужасов.

Моргни. Сфокусируйся.

Проведя рукой по лицу, я зажмуриваю глаза, пытаюсь взять себя в руки. Каждое движение посылает по телу жжение. Встряхнув головой, я чувствую, как моё тело теряет равновесие и спина ударяется о твёрдую стену.

Держись. Стой.

— Моя куколка уже проснулась? Как спалось, детка? Я надеюсь, тебе понравилась твоя спальная комната, старался сделать её для тебя в лучшем виде.

Голос. Этот. Голос...

Сердце забило в бешеном ритме, мозг заклинило, словно произошёл технический сбой. Воспоминания нахлынули на меня, как товарный поезд. Отель. Газ. Крики. Алис. Крис.

Монстр.

НЕТ, НЕТ, НЕТ, НЕТ!

Адреналин начал биться о стенки артерий. Страх, животный и сковывающий всё внутри, начал парализовать меня, как тогда. Как *всегда*.

Лицо моего кошмара начало принимать очертания. Неживой глаз. Шрам от уголка губ до скулы. Хищный оскал. Оскал зверя, только что загнавшего свою добычу в ловушку. Морсбрингер.

— Ну что ты, мышка. Не бойся, я не кусаюсь. Пока что.

Я зажмуриваю глаза, надеясь, что это всё очередной кошмар, от которого я проснусь. Но этот мерзкий ехидный голос продолжает пробиваться сквозь пелену ужаса.

— Если ты сейчас же не заговоришь со мной, я самолично отрежу тебе нахуй язык, Эмма. Раз ты не хочешь беседовать со мной, то не будешь ни с кем. — Он приближался, с каждым разом становясь всё угрожающе.

Мне некуда бежать, некуда прятаться. Я в его ловушке, с ним наедине. И теперь меня никто не спасёт, не успеет. Ком в горле не давал мне произнести ни звука, каждая попытка приносила боль, от которой сдавливало все мышцы. Давай, давай, давай! Но ничего не получалось, бесполезно. Слезы потекли по щекам, обжигая кожу. Боль во всём теле становилась невыносимой, и я рухнула на холодный пол. Нога выстрелила ослепляющей искрой жжения, и только тогда я смогла издать болезненный вскрик.

Вот и твой конец, Эмма. Я говорила, что рано или поздно этот день настанет.

Кошмар приблизился, останавливаясь в опасно близком расстоянии передо мной. Он возвышался надо мной, как скала. Как смерть, от которой пахло лавандовым парфюмом с примесью крови. Он сел на корточки и грубо взял меня за подбородок, заставляя посмотреть на его горящий безумием взгляд.

— Больно? Знаю, детка, знаю. Но не переживай, теперь ты будешь ощущать такое постоянно, — его здоровый глаз загорелся явным наслаждением от происходящего. — Теперь тебя никто не спасёт, никто не найдет. Блэк захлебнётся собственной кровью, прежде чем попытается напасть на твой след. Думала, что я оставлю вашу парочку? Нет, девочка. Мне нужно выманить твоего уёбка отца, уничтожить Блэка, получить всю возможную власть и присвоить тебя себе. Последнее я уже сделал, и поверь, тебе понравится наше с тобой милое времяпрепровождение.

Грубые пальцы, окрашенные в алую жидкость, касаются моей щеки и проводят по нижней губе. Металлический привкус попал на язык, вызывая рвотный позыв. Внезапно острая

боль пронзила голову, когда монстр мёртвой хваткой вцепился в волосы и откинул мою голову назад.

— Я даю тебе день на освоение, Эмма. С завтрашнего дня я начну нашу совместную жизнь на полную катушку. Хотя я уже сдерживаюсь, чтобы не трахнуть тебя здесь и сейчас.

Он накрывает мои губы своими в омерзительном влажном поцелуе. Мне остается только смотреть, как он блаженно закрывает глаза, как шрам на его щеке растягивается, открывая взору уродливые рубцы. Пальцы в моих волосах сжимаются всё сильнее, наклоняя голову для более удобного угла. Я стараюсь сжать зубы, не дать ему полностью взять контроль, но он со всей силы ударяет меня в живот, вырывая из груди вскрик боли. Воспользовавшись моим состоянием, он проникает языком в мой рот, начиная заявлять на него права. Грубо. Мерзко. Больно.

Моё тело сгибается в агонии, но сильная хватка не дает мне отстраниться. Наоборот, он только сильнее вдавливают меня в себя, сталкивая зубами.

— Отвечай, Сука, — рычит он мне в губы, встряхивая мою голову в железной хватке.

Мне не остается ничего, кроме как слабо пошевелить губами. Только бы он ушёл, только бы оставил меня в покое.

Смотри, к чему ты себя привела. Смотри, чего ты заслужила. Я запасусь попкорном, чтобы посмотреть на твоё уничтожение.

— Хорошая девочка, я научу тебя манерам, — в последний раз облизнув мою губу, шепчет он и встаёт. — Нужно будет записать все наши развлечения, твоему отцу явно будет интересно посмотреть на твои мучения, да и Блэк тоже будет не против. Ему полезно.

С этими словами он движется к выходу, бросая напоследок.

— Приведи себя в порядок, я вернусь завтра утром.

Дверь захлопывается с громким грохотом, обдавая комнату эхом. Я остаюсь одна. Совсем одна, без возможности пошевелиться. Голова с глухим стуком падает на холодную стену, и я только сейчас осознаю происходящее.

Ад проник в мою жизнь. Спустя столько лет попыток он ворвался в дверь и пустил корни настолько глубоко, что надежды на что-то хорошее канули в лету. За что мне это? За всю ту боль, что я причинила другим? За то, что я обрекла столько людей на страдания? Причинила им такую боль? Какую? Невыносимую. Келл погиб из-за меня. Его выпотрошили на моих глазах и вырвали сердце. Алис я обрекла на вечный страх, она теперь не сможет жить, как прежде. Крис обречен на неминуемую смерть. Я разрушила его дружбу, дала надежду на какое-то будущее и... ничего. Лину я не спасла, мать оставила умирать в одиночестве, наедине со своей зависимостью, в то время как сама жалела себя, сидя в этом гребаном детдоме. Я даже умереть нормально не могу!!! Нужно было глубже резать вены, нужно было сброситься с того балкона, наглотаться таблеток, в конце концов! Но я и этого не сделала. Вместо того чтобы избавить близких от своего проблемного существования, я решила бороться, решила продолжить обманывать всех, в том числе и себя. Зачем? Ради чего? Ради этого? Ради своей мучительной кончины? Нет. Я просто была гребаной эгоисткой и наивной дурой, которая не хотела видеть реальность. Не хотела принять то, что всё, до чего она дотрагивается,дохнет быстрее, чем зараженная гепатитом крыса. Раз мне предначертана такая судьба, то нет смысла от неё бежать. Нет смысла прятаться. Только принять. Принять то, что мне никогда не жить счастливо. Возможно, даже в следующей жизни. Гореть мне в адском огне.

Гореть. Да, именно гореть. Ты же этого и заслужила, Эмма. Тебя больше никто не спасёт, никто не сможет заглушить твою боль, никто не сможет заглушить меня. Мы теперь с тобой в одной лодке. Ни Алис, ни Блэк больше не смогут тебя защитить, даже от самой себя. Теперь только ты и я. Ты. И Я.

Голос. Этот поганый внутренний голос теперь тоже навсегда со мной. Я не смогу от него убежать, не смогу заглушить его, потому что он в моей голове. Он никуда не уйдет и

будет только выжигать последние нервные клетки изнутри, последнюю надежду, последнюю частичку меня.

Где-то слышался звук падающих капель воды, и только сейчас я осознала, насколько сильно обезвожена. Горло сдавливает от сухости, а в ротовой полости словно залегла пустыня. Нужно попить, чтобы не сдохнуть здесь раньше времени.

Моё тело отказывается двигаться. Боль в ноге простреливает с каждым неаккуратным движением, чёрт. Поёрзав, я пытаюсь принять более удобное положение, чтобы осмотреть рану. Повязка пропиталась кровью, наверняка этот урод даже не пытался её сменить. Ну конечно, ему плевать на мою боль. Он ею питается, как вампир. Мои мучения, наоборот, приносят ему только наслаждение. Мразь.

Ранение огнестрельное. Думай, Эмма, думай! Ты же работала в больнице! Так, нужно проверить, внутри ли пуля и не началось ли воспаление. Разматывая бинт, я чувствую, как он прилип к коже. Каждое движение приносило дискомфорт, заставляя меня закусить губу, чтобы не издать болезненных звуков. Открывшаяся моему взору рана вызывает у меня моментальное головокружение и тошноту. Кровь сочится из раны, начиная стекать на пол.

Смотри, смотри, как из тебя вытекает жизнь. Тебе же всегда нравился её вид, да? Вид крови. Ты просто не хотела этого признавать. Теперь любуйся. Она будет преследовать тебя вечно.

Уйди. Из моей. Головы!

Пуля, нужно проверить её. Крови слишком много, чтобы разглядеть хоть что-то. Придется наощупь.

Даже лёгкое прикосновение вызывает по телу судорогу боли, но нужно терпеть. Воспаление пока не началось, но нужно действовать быстро. Гангрена мне сейчас нахер не нужна. Чёрт, чёрт, чёрт!!! Пальцы погружаются в плоть, вызывая истошный крик. Нет! Так нельзя. Дрожащими руками я осматриваю лохмотья на себе, оценивая, смогу ли я при своём состоянии порвать их. Нужно заткнуть себе чем-то рот и ткань в этом поможет. Руки не слушаются, пальцы дрожат так, словно с ними трясется всё помещение. Соберись, соберись, соберись!

Вцепившись в тёмную ткань футболки, или это майка... Не знаю, плевать. Я вкладываю все оставшиеся силы и рву её. Мышцы горят от перенапряжения, я чувствую, как последние капли моей выносливости на исходе. Но ошмёток есть, и я, не думая, зажимаю его между зубами. Найди пулю, Эмма, иначе сдохнешь раньше, чем успеешь моргнуть.

Пальцы погрузились в плоть. Невыносимая острая боль прокатилась по моему телу волной. С губ сорвался крик, но теперь он был приглушен тканью. Запах крови становился всё ощутимей, но я не могу сдаться сейчас. Не могу сдохнуть от гребаной пули в ноге. Уж лучше быть зарезанной своим кошмаром, чем сдохнуть от собственной слабости. Вот она! Пуля была внутри, теперь нужно было её вытащить. Пальцами пытаться бесполезно. Нужен хотя бы пинцет или что-то похожее. Сквозь слёзы я пытаюсь осмотреть комнату в надежде увидеть то, что мне нужно. Но ничего нет. Вокруг валяются только осколки стекла, ржавая арматура и другой мусор. От отчаяния я начинаю выть, как раненый зверь.

Вырежи её, Эмма. Ты же не хочешь начать гнить изнутри? Вырежи её.

Капли. Это единственный выход.

Силы покидали меня с каждым мгновением, но мысль о медленной гнилой смерти была куда страшнее боли. Я поползла на четвереньках, волоча за собой больную ногу. На полу оставался влажный темный след.

Тук-тук-тук. Этот звук вёл меня. Он доносился из дальнего угла, где стена отсырела, а штукатурка обвалилась, обнажив трубы. Холодные, ржавые, они были обвиты каплями, которые с видимым усилием формировались и падали в треснувшую раковину под ними.

Доползти до неё казалось путешествием через всю вселенную. Каждый сантиметр давался ценой чёрных кругов перед глазами и тихого хриплого стога в тряпку. Рана горела, пульсировала, кровь продолжала сочиться, размазываясь по грязному полу.

Наконец я дотянулась. Ледяная струйка воды, сочащаяся из соединения труб, ударила по ладони. Я судорожно подставила под неё осколок стекла, стараясь смыть с него видимую грязь. Потом наклонилась и стала лизать воду как животное. Никогда не думала, что докачусь до такого, но теперь я словно в психологическом триллере о выживании. Любая капля ценнее всего. Холодная, металлическая, на вкус она была лучшим, что я пробовала в жизни. Немного влаги вернуло мне тень ясности. *Действуй!*

Теперь нужно было вымыть руки и саму рану. Это было ужасно. Ледяная вода, смешиваясь с кровью, вызвала новый приступ дрожи, но я терпела, с силой растирая ладони друг о друга, пытаясь содрать с них засохшую кровь. Антисептика не было, но чистота, хоть и относительная — это какая-то защита.

Зажав осколок в правой руке, я приставила его к краю раны. Дыхание стало поверхностным, частым. Мысль о том, что сейчас произойдёт, заставила желудок сжаться.

Вырежи. Или сгниёшь. Он будет смеяться, когда найдет тебя лишь разлагающимся трупом.

Внутренний голос действовал лучше любого адреналина. Я вдавила острый край стекла в собственную плоть.

Мир взорвался белой немой агонией. Крик, заглушенный тряпкой, превратился в хриплый вой. Сквозь пелену слёз я видела, как моя рука, будто сама по себе, двигала осколок, расширяя рану. Крови стало больше. Она текла тёплым щедрым потоком. Я искала на ощупь и наконец почувствовала твёрдый чужеродный предмет. Пуля засела глубоко, вцепившись в мышечную ткань.

Пальцы скользили по крови. Нужно было ухватить... нет, поддеть её. Время теряло смысл. Была только эта точка во вселенной — рана, осколок, пуля и всепоглощающая жгучая боль, пожирающая сознание.

Стекло соскользнуло, вонзившись глубже. Из горла вырвался новый безумный стон. Я уронила осколок. Руки дрожали так, что казалось, они вот-вот отвалятся. Отчаяние накрывало с головой. Я не смогу.

Слабая. Ты просто никчемный мусор, так и сдохнешь здесь, гни в собственной крови.

Собрав в кулак последние крохи воли, я снова взяла стекло. На этот раз я не резала, а копала. Острая боль сменилась тупой, давящей, не менее ужасной. И вдруг — металлический скрежет о металл. Кончик осколка зацепил что-то твёрдое.

Не давая себе опомниться, я поддела пулю и, сдавленно завыв, выковыряла её из мяса. Маленький деформированный кусочек свинца с глухим стуком упал в лужу крови на полу.

Сознание поплыло. Темнота звала, манила, обещала забвение. Я сильно опёрлась спиной о холодную стену, чтобы не рухнуть. Одежда на мне была уже не тёмной, а почти чёрной от пропитавшей её крови. Нужно было остановить кровотечение.

Дрожащими руками я сорвала с себя остатки майки и, свернув её в тугую жгут, обмотала поверх раны, затянув что есть сил. Боль взвыла с новой силой, но поток крови, казалось, ослабел.

Я сидела, прислонившись к стене, в луже собственной крови и воды. В руке ещё был зажат окровавленный осколок. В ушах стоял звон, тело била мелкая неконтролируемая дрожь. Но внутри, сквозь боль и истощение пробивалось другое чувство. Холодное, острое, как этот осколок.

Не покорность. Не страх.

Ярость.

Он думал, что сломал меня. Думал, что оставил умирать, как раненое животное. Но я вытащила пулю сама. В грязи, в темноте, в одиночестве. Я пока ещё хочу жить и буду бороться до конца.

Я подняла голову и посмотрела на закрытую дверь. На то место, где он стоял.

Хорошо. У меня есть день. И теперь у меня есть цель, пронзительная и чёткая, как лезвие.

Выжить. Чтобы встретить его снова и показать, что я не та, кем он меня воспринял. Я могу бороться. Ещё чуть-чуть, но могу. Он может уничтожить меня, может сжечь всю мою веру дотла, но...

Даже если я умру, то умру с мыслями только об одном человеке. *Крис.*

Я медленно разжала пальцы. Осколок стекла, красный от моей крови, упал на пол с тихим звоном. Я оставила его лежать рядом с пулей.

Если ад начался, нужно его принять. Принять и дать отпор. Из последних сил.

ГЛАВА 2. ЭММА

Дыхание. Я постоянно слышу чье-то дыхание за дверью. Оно не похоже на человеческое, оно похоже... На дыхание зверя, который выслеживает, принохивается, чувствует запах свежей плоти. Запах крови. Моей крови. Возможно, и не только моей, не знаю, сколько в этой комнате было жертв до меня. Сотни? Тысячи? Не важно. Они были. Возможно, тех похожих на меня девушек убивали именно здесь. И теперь я стану следующей. Только быстро меня убивать не будут.

Не знаю, сколько времени прошло. Здесь нет времени. Только боль. Я не могу спать, не могу двигаться, ничего не могу. Сажу и смотрю в одну точку, вспоминая свою несчастную жизнь. И жду его. Что он приготовил для меня? Что меня ждёт? Ничего хорошего, это точно. Но я уже готова ко всему. Я пыталась придумать какой-то план, но что я могу сделать, сидя в полном заточении? Без возможности выбраться, без малейших предположений его дальнейших действий? Н-И-Ч-Е-Г-О. Он уже здесь, я это чувствую, ощущаю всем своим телом его присутствие. Но он не заходит. Кружит вокруг двери, словно коршун, но чего-то ждёт. Чего? Когда я начну умолять? Истерить? Пытаться сбежать? Это бессмысленно, по крайней мере, пока. Может, если я буду менее эмоциональной, он не будет меня трогать? Наивно, глупо, но всё-таки это предположение имеет место быть. Он же питается эмоциями, болью, отчаянием. Если я не буду ему это давать, ему станет скучно. И что? Он отпустит меня? Пф, Эмма, ты как была душой, так и осталась. Выхода отсюда нет и не будет. *Никогда.*

Нога оставляет желать лучшего. Боль не утихла, наоборот, становится только сильнее. Здесь полная антисанитария, но что остаётся? Пулю я вытащила. Рану перевязала, криво, конечно, но хоть так. Долго я с таким ранением не протяну, нужен хотя бы обезболи, которого нет. Принёс бы хоть пластырь, чмошник. Никаких манер.

Да и какие манеры здесь могут быть. Где слыхано, чтобы психопат о ком-то заботился. Правильно, нигде. Вспороть бы ему желудок, но он скорее прикончит меня быстрее, чем я возьмусь за нож. Почему я вообще об этом задумалась? Вспороть живот? Морсбрингеру? Да, он полное чмо, невероятная мразь и конченный ублюдок, но я никогда не желала никому смерти, особенно такой, особенно от моих рук. Но сейчас... Я почему-то даже не чувствую вины. Странно, правда? Всю жизнь боялась крови, ловила панические атаки, сходила с ума, а теперь? Теперь я лежу в луже своей крови, в крови других людей, вырезала из своей ноги пулю и желаю только одного – смерти Морсбрингера. Самое заветное и жгучее желание.

Шаги за дверью не прекращались, уже дофига времени он наворачивает круги и выводит меня на эмоции. Может часа два или три, не знаю. Капли, падающие на холодный бетон, тоже никак не спасают, только делают хуже. Кап. Кап. Кап. Кап. Кап. Кап. Кап. Сойти с ума здесь очень просто, особенно человеку с моей психикой. Нервы не выдерживают, тремор в теле становится всё сильнее.

Дыхание.

Капли.

Шаги.

Мысли.

Разум.

Сойди с ума, Эмма. Сойди с ума. Ты же устала, правда? Дай волю эмоциям, дай волю себе. Кап кап кап кап кап кап кап кап. Шаг за шагом, шаг за шагом ты приближаешься к своей кончине. Шаг. За. Шагом.

Шаг. Ещё шаг.

Хриплое дыхание за дверью.

Капли кап кап.
Цокнул языком.
Ещё шаг.
Провёл рукой по волосам.
Хриплый смешок.
Ещё шаг.

Kan Kan Kan Kan Kan Kan КАП КАП КАП КАП КАП!

СОЙДИ С УМА, ЭММА! СВИХНИСЬ ОКОНЧАТЕЛЬНО! ТЫ НЕНОРМАЛЬНАЯ И НИКОГДА НЕ БЫЛА НОРМАЛЬНОЙ! ДАЙ СЕБЕ ВОЛЮ! ДАЙ СЕБЕ ВОЛЮ! ВОЛЮ! ВОЛЮ! ВОЛЮ!

— ВОЙДИ УЖЕ!

Крик вылетает из меня быстрее, чем я успеваю опомниться. Шаги за дверью стихли, кажется, даже капли больше не падают. А падали ли они вообще? Комната погрузилась в гробовую тишину, которую нарушало лишь бешеное биение моего сердца. Стой там. Не заходи. Ты ослышался. Я никого не звала. Не звала!

Но было поздно, ручка на двери опустилась, впуская в помещение зверя. Голодного зверя, которого я вызвала сама. И обрекла себя на муки. Медленные муки, которые не закончатся до тех пор, пока из моего горла не вырвется последний крик.

Он вошёл медленно, грациозно. Не как психопат, а как учёный, изучающий своего подопытного. В нём ничего не поменялось. Всё тот же костюм, та же причёска, те же руки, убранные в карманы. Только взгляд был другим. Безумие из него никуда не ушло, но к нему прибавилось то, чего я боялась больше всего. Вожделение. Оно было настолько осязаемым, что всё внутри меня сжалось в тугой узел. Он пришёл не убивать. Он пришёл потрошить. Но не тело. *Душу.*

— А я думал, ты меня никогда не позовёшь. Ноги уже устали стоять. Соскучилась, детка?

От одного его голоса мне уже хотелось выблевать всё содержимое желудка. Насмешливый победный тон выводил меня из себя. Он смотрит на меня не как на человека, даже не как на пленную. Он смотрит на меня как на мясо.

— Зачем пришёл? Скучно стало? — бросаю я, проводя дрожащей рукой по волосам, которые стали ужасно грязными из-за всего этого дерьма вокруг.

Он прислонился спиной к стене, скрестив руки на груди. Поза нахального ублюдка. Его мёртвый глаз заставляет мою душу заледенеть. Интересно, кто его так полоснул? Неужели Морсбрингер мог такое допустить? Наверняка этот человек уже мёртв, но это мне дало крошечную надежду на то, что даже такой монстр, как Лука, может быть уязвимым.

— Мне всегда скучно, крошка. Думал, что ты давно это поняла, — схаркнув слюну на пол, насмешливо произнёс он. — Освоилась уже? Смотрю, ты нашла себе занятие, пока меня не было. — Его взгляд опустился к луже крови подо мной и к моей распоротой ноге.

— Ты не ответил на мой вопрос, урод. — цежу я, теряя какую-либо сдержанность.

Его раскатистый смех наполнил комнату, вызывая во мне только более жгучую ярость. Но в один момент смех затихает, оставляя только напряжённую тишину, которая звучит хуже любого звука.

— Я предупреждал тебя о твоём язвительном языке, Грей. Мне не составит труда его отрезать и сожрать у тебя на глазах. Я бы с радостью это сделал, но у меня есть другие части тела, которыми я хотел бы полакомиться.

Его шаги отдавались эхом в тишине комнаты. Лицо потеряло всю свою нахальную манеру, оставив только угрозу. Ту, которую боится любая жертва. Он не шутит. Не бросается словами на ветер. И подтверждение этому лежит в его взгляде. Мне конец.

Мне сдавило шею. Воздух был перекрыт сильной хваткой его руки, вызвав из моего горла глухой стон. Он не щадил, наоборот, впечатал меня головой в стену так сильно, что в глазах зарябили искры, а боль отдалась во всём теле.

— Пока ты не научишься разговаривать со своим хозяином подобающе, мышка, я буду тебя наказывать. И поверь, тебе это не понравится.

Его дыхание обожгло ушную раковину, понесся за собой сильный укус. Рука не разжималась ни на секунду, всё сильнее сдавливая дыхательные пути и не давая мне вздохнуть.

Когда послышался звук бляшки ремня, моё сердце упало в пятки.

А вот и начало нашего шоу. Время пришло, Эмми! Ликуй! Тебя трахнет сам Лука Морсбрингер! Ты будешь навсегда испорчена! Мусор! Мусор! Мусор!

— Я преподам тебе урок, Грей. Выбью из тебя всю ту дурь, что вложил в тебя Блэк. Ты будешь думать только обо мне. Уважать только меня. Боготворить только МЕНЯ!!!

Мои руки беспорядочно били его, желая отбиться, но это были лишь жалкие попытки. Из горла вырывались крики, ноги царапались об этот сраный пол, но ползти было уже некуда. Я в ловушке. Прижата к стене монстром, который осквернит меня, уничтожит, сделает из меня мусор. Нужно что-то сделать! Бей, Эмма, бей! Выцарапай ему глаза!

Как только моя рука подлетела к его лицу, больную ногу прострелила невыносимая боль. Я закричала так истошно, что штукатурка со стен посыпалась. Зрение затуманилось, но этот ад не прекращался. *Он только начался, Эмми.*

— Держи руки при себе, Эмма. Не забывай, кто стоит перед тобой.

Удар снова пришелся в ногу, заставляя меня выгнуться в агонии боли. Слезы бесконтрольно лились по щекам, смешиваясь с грязью и потом. В болезненном тумане я даже не заметила, как он снял штаны. Нет. Нет, нет, НЕТ!

Моя голова снова ударилась об бетон, но потом я почувствовала его пальцы в своих волосах. Они сжали их до скрипа и подставили моё лицо к его достоинству. Боже, пожалуйста...

Не давая прийти в себя, он заполнил собой мой рот и начал вдальблываться со всей силы. Его вкус был омерзителен. Солёный, горьковатый, совершенно не такой, каким я себе представляла вкус мужского члена. Но хуже всего был запах. Такое ощущение, словно Морсбрингер сгнил не только душой, но и телом. Он сгнил весь. Полностью.

Меня рвало. Но его железная хватка в моих волосах не давала ни отстраниться, ни сглотнуть, ни отдышаться. Слезы и рвотные рефлексы смешались в сплошной удушающий хрип. Каждый толчок глубже вызывал спазм в горле, каждый удар головой о стену — вспышку белой боли в черепе. Я задыхалась по-настоящему, лёгкие горели от нехватки воздуха, а этот гнилостный вкус заполнял всё, проникал в носоглотку, въедался в язык.

Грязная! Грязная! Грязная!!!

Он рычал. Низкий хриплый рёв животного, одержимого не похотью, а жадой тотального уничтожения. Он хотел не секса. Он хотел стереть меня. Сделать сосудом для собственной гнили.

— Глотай, — сипло прошипел он сверху, на секунду замерев. — Глотай, сука. Впитай в себя. Стань частью этого. Твоя чистота... она меня вымораживает.

Его пальцы впились в мою челюсть, пытаясь силой заставить её сомкнуться. Я сопротивлялась из последних сил, скрежеща зубами, брыкаясь ногами, хотя каждое движение отзывалось огненным кинжалом в ране. Он ударил меня по лицу разжатой ладонью. Звон в ушах слился с гулом крови. Сознание поплыло.

И тут, в этом вакууме боли и отвращения, внутри что-то... щёлкнуло.

Не сломалось. Не сдалось. *Отключилось.*

Боль в ноге, вкус во рту, его рычание — всё это внезапно ушло куда-то далеко, стало плоским, как дешёвая декорация. Я будто смотрела на происходящее со стороны. С потолка,

из угла комнаты. Видела свою изуродованную, залитую слезами и слюной фигуру. Видела его сведённое в гримасе удовольствия-ненависти лицо.

И в этой отстранённости родилась ледяная кристальная ясность.

Он хочет, чтобы ты чувствовала. Хочет твоих эмоций, твоего страха, твоего унижения.

Лиши его этого.

Моё тело обмякло. Движения стали вялыми, неживыми. Я перестала брыкаться. Перестала хрипеть. Просто... позволила ему делать то, что он хочет. Мои глаза, залитые слезами, усталились в пространство за его спиной, в ту самую трещину на потолке. Я смотрела на неё, как будто это было самое важное в мире.

Он почувствовал перемену. Его движения стали резче, злее, он снова ударил меня, пытаюсь выбить реакцию.

— Смотри на меня! — проревел он, встряхивая меня за волосы. — СМОТРИ!

Я медленно перевела на него взгляд. Но не в глаза. На шрам, пересекающий его щёку. Я смотрела на него так, как смотрят на вещь. Без страха. Без ненависти. Без ничего.

В его единственном живом глазу мелькнуло недоумение, а затем яростная бешеная злоба. Его ритм сбился. Он не получал того, что хотел. Он трахал не рыдающую и отчаянную жертву. Он трахал куклу. Пустой сосуд.

— Тварь... — выдохнул он, и в его голосе впервые зазвучала не всепоглощающая власть, а раздражение. Он закончил быстро, грубо, с отвратительным хлюпающим звуком и отшвырнул меня от себя.

Я упала на бок, откашлялась, наконец втягивая в обожжённое горло воздух. По лицу и шее текло. Я не вытирала.

Он стоял надо мной, поправляя одежду, его дыхание было тяжёлым, но не от страсти, а от ярости. Он проиграл этот раунд. Не физически, но проиграл.

— Брыкаешься, значит. Ну хорошо. Будем действовать по-другому. — В его руке заблестело лезвие, от которого по моему телу пробежал холодок.

Я лежала на холодном полу, пахнущем теперь им, мной, кровью и смертью. Тело сотрясала мелкая дрожь, но внутри была пустота. Зарежет? Возможно, но что-то мне подсказывает, что моя смерть в его планы не входит.

Я подняла руку и медленно, механически вытерла губы тыльной стороной ладони, уставившись на него. Он навис надо мной и вглядывался в лицо взглядом разъяренного маньяка. Оскал на его губах больше не выглядел насмешливым, он был опасным. Оскал чудовища, которое сейчас сожрет свою жертву живьем.

— Открой ротик, детка, — прошептал он, поднося лезвие к моей щеке. — У тебя слишком чистое личико, нужно это исправить.

В голове зазвенели тревожные звоночки. Нет. Только не лицо. Пожалуйста, пусть он шутит, пусть он просто угрожает, издевается, что угодно! Пусть лучше режет тело, бьёт, ломает кости, но только не это! Лицо — это последнее, что остаётся «мной». Даже в этом аду.

— Нет... — хриплю я, и мой голос был похож на жалкое подобие того, что был раньше. — Пожалуйста... Умоляю... Я буду послушной, буду делать всё, что скажешь... Только не лицо, прошу! — лепет мой отчаянный, полный животного ужаса. Вся моя недавняя отстранённость разбита вдребезги одним только обещанием этого лезвия.

— Нет, Грей. Я же предупреждал. Сотру с тебя всё, что прилипло от Блэка. Каждый след. И этот рубец, — он приставляет остриё к уголку моих губ, — будет твоим клеймом. Напоминанием. Чьё ты творение.

Лезвие коснулось уголка моей губы. Сердце взлетело к горлу, отдавая ударами в виски. Остановись! Остановись!

Но было поздно. Мой крик разнесся по комнате, заставляя стены содрогаться, когда он начал творить на моём лице. Лезвие прорезало плоть, и я ощущала всеми рецепторами, как тёплая жидкость начала разливаться по щеке и скатываться к шее. С каждой секундой он давил сильнее, казалось, что он проткнёт кожу насквозь. Он не просто режет. Он ведёт лезвие медленно, с отвратительным скрипом по плоти, будто вырезает узор. Его не останавливают ни мои вопли, ни конвульсии, ни попытки вывернуться. Сжал волосы в кулак и всем своим весом придавил меня к земле. Я кричала, рыдала, умоляла, но разве у монстра есть жалость? Нет, её никогда не было и не будет. Любые попытки вырваться заканчивались ударом в голову или в живот. Сознание мечется, пытаюсь сбежать в темноту, но он трясёт меня, хлопает по щеке, не давая отключиться.

— Смотри на меня, сучка. Смотри, как твой хозяин наносит на тебя клеймо, которое ты будешь носить всю жизнь.

— П... Пожалуйста... Х... хватит...

— Нет. Здесь я устанавливаю правила. Ты будешь дышать до тех пор, пока я не разрешу тебе сдохнуть. Будешь мучиться до тех пор, пока я не решу тебя помиловать. Будешь моей куклой до тех пор, пока моя сперма не закончится. Ты меня поняла, Грей? — он встряхнул мою голову, вырывая заглушенный кровью всхлип. — Ты поняла меня?

Его дыхание коснулось моих губ. Отвратительное, ужасное, так и хотелось вцепиться в его губы зубами и оторвать от них кусок. Но не было сил, не было шанса. Любая моя попытка обернётся ещё большими мучениями.

— Д...да

Мой ответ был полумёртвым, уж не в силах бороться. Его это удовлетворило, он был доволен. Он проводит шершавым языком по всей длине свежей раны от губ до виска, и я чувствую, как мышцы живота сводит от ужаса и отвращения. Потом он прикусывает мочку уха почти нежно и рычит прямо в него:

— Хорошая девочка.

Уйди. Просто уйди, прошу. Оставь меня умирать.

Будто услышав мои мысли, он отстранился и посмотрел на мою распростертую на полу фигуру сверху вниз. Губы были окрашены в цвет моей крови, глаза уже больше не выглядели такими яростными, наоборот, они выглядели торжествующе. Он достал телефон, направил на меня и ослепил вспышкой. Сволочь.

— Блэку понравится. Как думаешь, он уже начал твои поиски?

Я ничего не ответила. Всё, чего я хотела – это отключиться и больше никогда не проснуться. Я думала, что смогу, что не дам себе сломаться, но... п...похоже... это выше моих сил.

Внезапно его взгляд остановился на моей шее. Именно на том месте, где ещё висела подвеска, подаренная Крисом.

— А вот это я заберу, — прорычал он, одним рывком сорвав с меня единственное, что связывало меня с любимым человеком. — Тебе оно не нужно, Эмма, я подарю тебе лучше. Какой смысл в сердце из металла, когда есть настоящее, правда? — Морсбрингер хмыкнул, смотря на меня. Подвеску он благополучно положил в карман брюк.

Что... нравится? Нравится то, что ты видишь? Нравится смотреть, как я умираю изнутри?

Но он больше ничего не сказал. Звук захлопывающейся двери разнесся по комнате, подтверждая его уход. И больше я могла не терпеть.

Весь адреналин спал, обнажив мои раны, и боль хлынула по телу, как прорвавшаяся плотина. Щека горела, кровь не переставала течь. Чувствую себя побитой собакой. Нет, не собакой. Я чувствую себя свиньей, которую привели на убой. Будут мучить, пока та не перестанет брыкаться, и зарежут, подвесив тушу на крючке.

Ну что, Эмма. Это стоило того? Ты могла уже давно сдохнуть, но ты всё равно выбираешь мучения. Не надоело? Перестань. Бороться. Это тебе не поможет.

Всхлип вырвался из моей груди, давая волю слезам, которые скоро выжгут мне глаза своим количеством. Они потекли по щекам и вызвали только ещё больше боли, соприкоснувшись с раной. Но эта боль принесла мне осознание.

Морсбрингер оставил мне шрам. Такой же, как у него. Заклеймил.

Уничтожил.

Я... я же теперь... Боже! Как я буду смотреть на себя в зеркало... к... как я... как я покажусь Крису?!

А с чего ты взяла, что ты вообще его увидишь? Ты всё ещё не поняла, что застряла в аду? Отсюда нет выхода, Эмма.

Но... но он же найдёт меня, правда? Я же люблю его и... и он меня любит... Мы обещали друг другу быть вместе!

Любит? Эмма, девочка, думаешь, тебя можно любить? Такую прогнившую и мерзкую изнутри?

*Даже если он найдет тебя и выпустит отсюда, ты считаешь, что он посмотрит на тебя **такую**? С таким уродливым шрамом тебе только в утиль, как бракованной игрушке.*

Я провела рукой по ране, ощущая, как кровь сразу окрасила мои пальцы. Здесь нет зеркала, но я точно могу сказать, что от этого клейма я никогда не смогу избавиться.

Это будет тебе вечным напоминанием. Напоминанием о твоей сущности, о том аду, в котором ты находишься и будешь находиться всю жизнь. Не важно где, не важно как, Ад всегда будет с тобой.

Всегда.

С тобой.

Всегда со мной...

Эти слова повисли в воздухе не эхом, а фактом. Тяжёлым, неоспоримым. Как гранитная плита, придавившая грудь. Дышать стало не больно — стало невозможно. Воздух не проходил сквозь ком в горле, который теперь был не из слёз, а из свинца. Из признания. Он... сломал меня.

Не потому, что изнасиловал. Не потому, что разрезал щеку. Он выиграл, потому что украл последнее.

Последнюю иллюзию. Иллюзию того, что однажды всё это закончится и за дверью будет не бетонный коридор, а чьи-то руки. Чьи-то руки, которые обнимут, не морщась от запаха крови и гнили. Чьи-то губы, которые прикоснутся, не чувствуя под кожей шрама-клейма.

Как я покажусь Крису?

Этот вопрос был не криком души. Это был приговор. Потому что ответ пришёл мгновенно, ясный и беспощадный: никак.

Даже если он найдёт. Даже если вытащит отсюда. Что он увидит? Не Эмму. Не ту девушку, которая боялась, но пыталась шутить. Которая дрожала, но не опускала глаз. Он увидит это. Разбитую куклу с пустым взглядом и лицом, на котором навсегда застыл след чужой ненависти. Он увидит ходячее напоминание о своём провале. О том, что он не уберёт.

А потом... потом будет жалость. Или отвращение. Или, что хуже всего... попытка любить несмотря на это. Любить из чувства долга. Любить раненую птичку.

Любить.

Но будет ли это любовь? Или это будет подобие любви, лишь из чувства вины.

Я... я не хочу быть раненым животным, которого терпят из милости. Я не вынесу этого взгляда. Этого молчаливого вопроса в его глазах: «Кто ты теперь?»

Я зажмурилась, но образ стоял перед глазами. Его лицо. Не то, каким оно было: жёсткое, колючее, родное. А то, каким оно станет — искажённое болью и виной. Виной за то, что не спас. И я стану для него вечным живым укором.

Вот оно. Истинное клеймо. Не на щеке. Оно вонзалось глубже, прямо в душу. Ты обуза. Ты проблема. Ты живое доказательство того, что мир — это ад, и из него нет спасения.

Тихо. В комнате стало тихо. Даже внутренний голос, тот, что яростно шептал «мусор», умолк. Наступила не тишина ожидания. А тишина после. После битвы, которая проиграна. После того, как палач ушёл, оставив свою метку.

Я не чувствовала больше ненависти к Морсбрингеру. Она растворилась, уступив место чему-то более страшному. Пониманию. Он был прав. Он не просто насиловал тело. Он устанавливал порядок. Новый миропорядок, в котором у меня было одно-единственное место: пыльная полка в коллекции сломанных вещей. И метка на лице была всего лишь номером в каталоге.

Медленно, с трудом я перевернулась на спину. Смотрела в потолок, в ту самую трещину. Она больше не была символом надежды, точкой отсчёта. Она была просто трещиной. Частью пейзажа. Как и я.

Что осталось? Боль. Тупая, фоновая. Страх, притихший, ставший привычным, как шум в ушах. И эта новая леденящая пустота. Пустота, в которой больше не было места ни для ярости, ни для планов. Даже мысль о мести казалась смешной, детской. Какая месть? Он уже всё отнял. Месть нужна тому, у кого есть что терять. А у меня... что у меня было? Наивная вера в спасение? В любовь? В то, что я хоть чего-то стою?

Это он и выжег. Выжег лезвием и своим гнилым прикосновением.

Я подняла дрожащую руку. Не к ране на щеке. К глазам. Я провела пальцами по мокрым от слёз ресницам. Потом опустила руку и уставилась на тёмный липкий потолок.

— Больше не буду, — подумала я беззвучно. Больше не буду ждать. Не буду надеяться. Не буду бороться.

Борьба — это для тех, кто верит, что у боли есть конец. У меня его нет.

Я просто буду здесь. Дышать. Чувствовать, как кровь сочится из раны и высыхает коркой на коже. Слушать капли. Ждать, когда он вернётся, чтобы сделать что-то ещё. И когда он это сделает, я не закричу. Я не буду смотреть ему в глаза. Я буду смотреть в трещину на потолке.

Потому что я больше не Эмма. Я номер в его коллекции. Я шрам, который он оставил на этом мире. Я... тихая комната, в которой когда-то закончилась чья-то душа.

И это... это было почти спокойно. Ужасающе, отчаянно спокойно. Как дно глубокой ледяной ямы, куда уже не долетают звуки с поверхности. Просто тишь. И тяжесть.

Я закрыла глаза. Не чтобы уснуть, а чтобы окончательно исчезнуть внутри этой новой безликой тишины. Там, где больше нет боли. Там, где нет меня.

ГЛАВА 3. КРИСТОФЕР

— Дорогой, посиди здесь, ладно? Я скоро приду.

— Хорошо... Ты же скоро придёшь, правда?

— Конечно, милый, обещаю.

Она поцеловала меня в лоб, посмотрев в глаза с любящей улыбкой. Что-то внутри не даёт мне покоя, словно кошки скребутся на душе, но я не придаю этому сильного значения.

Дверь за ней захлопнулась, оставив меня в полном одиночестве. Где мой карандаш? А, вот он.

Устроившись на своем матрасе, который уже пропах пылью и старостью, я беру лист бумаги и начинаю рисовать. Папа всегда запрещал мне это делать, но сейчас он спит, поэтому я наконец-то могу заняться любимым делом. Так... На чём я остановился? Мишка, звёзды и луна есть, себя я тоже нарисовал, остались мама и отец. Маму нужно нарисовать очень краси-

вой. Короткие волосы коричневого цвета, ясно голубые глаза, нежные руки — всё это надо запечатлеть. Только жаль, что карандаш у меня есть только чёрный. Ну ничего, выкручусь.

В доме тихо, что является редкостью в нашей семье. Я люблю тишину, в ней я хотя бы не слышу криков родителей. Папа очень много пьёт и после выпивки становится неуправляем. Когда я был совсем маленьким, он ещё как-то справлялся с алкоголизмом, но в последние пару лет совсем потерял контроль. Я стараюсь защищать маму, когда он приходит, но это приносит большие последствия. Синяк под глазом до сих пор болит, но я уже привык. Стоит ли говорить, что я его ненавижу? Да и это не просто ненависть, это что-то большее. В подростковом возрасте я вряд ли могу как-то на него повлиять, но когда вырасту... Он заплатит мне за всё. За все мамины слёзы, за все мои страхи и страдания. У меня ведь не было и нет ничего, что есть у обычных детей. Все игрушки, которые покупала для меня мама, были выброшены или испорчены. Детская больше похожа на комнату какой-то заброшки, на которые лазают мои сверстники. Но я не жалею. Просто нужно время, чтобы накопить силы. Я уже решил, что когда мне исполнится четырнадцать, пойду работать, заработаю деньги и мы с мамой сбежим от него. Снимем жилье, будем вкусно кушать, и я буду радовать её цветами каждый день. Она этого заслуживает. Никто, кроме мамы не любит меня, не заботится и не успокаивает, когда мне плохо. Только она всегда была рядом. Не знаю, что бы я делал без неё. Очень её люблю и всегда буду защищать, чего бы мне это не стоило.

Звук дождя за окном приносит мне успокоение, пока я доделываю последние штрихи. Мама получилась очень красивой, даже в чёрном цвете. Отца я не могу изобразить в человеческом облике. Он просто грязь, которая просочилась в нашу с мамой жизнь. Он достоин быть лишь грязной кляксой в моём рисунке, но надеюсь, что скоро эта клякса исчезнет из нашей жизни навсегда. Осталось потерпеть пару лет.

Дверь в прихожей захлопывается с оглушительным громким звуком, заставляя стены трещать по швам. Отец. Он пришёл.

Моё сердце забилось быстрее, так происходит каждый раз, когда он приходит. От него никогда не стоит ждать ничего хорошего, и подтверждением этому становятся его пьяные крики на кухне.

— Мэри-и-и! Где ты, стерва?! Я голоден, как сволочь последняя!

— Сейчас, Джеймс, сейчас! — Голос мамы тонкий, испуганный, вымученно-ласковый. Звук торопливых шагов. — Суп на плите, я только...

— ЗАТКНИСЬ! — Оглушительный рёв, за которым последовал грохот, будто что-то тяжёлое и хрупкое рухнуло на пол. — Ты думаешь, мне нужен твой прокислый суп?! Я хозяин в этом доме! Ты должна встречать меня у порога, как положено жене! А ты что?! Прячешься?!

— Я не прячусь, милый, я просто... А-ай!

Звук удара. Чёткий, звонкий, отвратительный. Удар открытой ладонью по лицу. Этот звук я знал наизусть. Он прожигал меня насквозь каждый раз. Карандаш в моей руке хрустнул, разломившись пополам. Острая щепка вонзилась в ладонь, но эта боль была ничтожной. Ничтожной по сравнению с тем бешеным слепым пламенем, что вдруг вспыхнуло у меня в груди. Оно пожирало страх, сжигало до тла осторожность. Он ударил её.

— Как ты смеешь от меня отворачиваться?! — Отец рычал, его голос теперь был совсем рядом, прямо за тонкой стенкой. — Я тебя из грязи поднял! Я тебя кормлю! А ты... ты со своим выродком против меня строите козни?!

— Нет, Джеймс, прошу! Крис ни при чём! Он просто ребёнок! — В голосе мамы слышались слёзы, паника, мольба. И снова глухой удар. На этот раз кулаком.

«Ребёнок».

Слово обожгло меня стыдом. Да, я был ребёнком. Худым неловким подростком. Но я был её ребёнком. И она была там одна. Со зверем.

— Я тебе покажу, как надо уважать мужа! — прошипел отец, и в его тоне появилась новая смертельно опасная нота. Холодная, расчётливая жестокость. — И твоего щенка я сегодня проучу так, что он на всю жизнь запомнит.

— Нет! Не трогай его, Джеймс! Бей меня! Лучше убей меня, но его не трогай! — Это был уже не шёпот, а отчаянный разрывающийся крик. Крик, переходящий в стон.

И тогда раздался звук. Не крик. Не удар. А шлёпок. Мокрый, тяжёлый. Звук падающего тела.

Тишина. На кухне воцарилась абсолютная леденящая душу тишина.

Время остановилось. Сердце в груди замерло, а потом рванулось в бешеную, неистовую пляску, гоняя по жилам не кровь, а чистый, обжигающий адреналин. Мой разум отключился. Остался только инстинкт, древний и яростный. Защитить. Уничтожить угрозу.

Мама.

— Как ты меня назвала, мразь?! Я же тебе говорил, идиотка, никакого имени! Я тебе что, подружка?! С мужем нужно обращаться уважительно и ласково, а ты?!

— Прости, милый! Прости! Такого больше не будет, я обещаю!!!

Крики и удары наполнили дом быстрее, чем я успел опомниться. Сердце забилося в бешеном ритме, но не от страха за себя. За маму.

Карандаш в моей руке раскололся пополам от вскипевшей во мне ярости.

Ты не одолеешь его в одиночку, Крис. Тебе нужен план. Как малолетний мальчишка победит разъяренного алкаша?

— Ты мразь, Мэри! Я научу тебя уважать мужа, научу тебя быть примерной женой! И твоё отродье я тоже проучу!

— Милый... п... положи нож. Давай поговорим, я... я буду хорошей женой, милый... я... обещаю... пожалуйста... НЕТ!

— МАМА!

Я вылетел из комнаты, как ошпаренный в надежде не увидеть то, чего я боялся больше всего. Пожалуйста!

Врезаясь в стены коридора, я нёсся к кухне, уже готовый на всё, чтобы прибить ублюдка отца. Если с мамой что-т...

В проеме кухни стоял отец. Он тяжело дышал, смотря куда-то в пол. На нём была грязная футболка, выпачканная в алкоголе и остатках еды, брюки оборваны в некоторых местах и спущены так, что видна резинка его белых боксеров. Его тело было напряжено до предела, лысина блестела в тусклом свете затхлой кухни, но ничего из этого не вызвало у меня ужаса, кроме окровавленного ножа в его руках.

С лезвия стекали тонкие струйки крови, и моё сердце замерло. Нет.

Нет.

Мои ноги медленно ступили вперед, стараясь не издавать лишних звуков. Где мама? Где она...? Она же там, правда? Сидит за столом целая и невредимая? Но все мои мысли потухли в тот момент, когда я увидел её. Мама лежала на полу, неестественно скрюченная. Её любимый лиловый халат был распахнут, и из-под него, из места чуть ниже груди, сочилась тьма. Так много тьмы. Её глаза, те самые голубые, небесные глаза, были широко открыты. Но они смотрели не на меня. Они смотрели в потолок, застекленевшие, наполненные последним миготом чистого животного ужаса. Её губы были чуть приоткрыты, как будто она хотела что-то сказать. Крик? Моё имя? Прощание?

Отец стоял неподвижно. Смотрел на труп и всё крепче сжимал нож. Этот урод... этот...

Боль, разрастающаяся у меня в груди, начала перерастать в нечто иное. То, чего раньше не было. То, что начало прожигать всё моё тело изнутри. Это было странно, необычно, но почему-то казалось правильным. Мысли о потере сменились на кровавую пелену, которая призывала где-то из самого удаленного уголка моего разума.

Убей его, Кристофер. Убей этого урода, пока он в ступоре. Ты же ненавидишь его. Сотри это отродье с лица земли. Отомсти за мать. Отомсти за себя. Убей.

И больше я не думал. Тело двигалось само по себе, когда я одним рывком вырвал из его руки нож, схватившись за лезвие. Металл сильно впился в кожу, но это не сравнимо с тем, какая боль была у меня внутри.

Отец отошёл от оцепенения и взревел, пытаясь меня схватить.

— Ах ты мразь!

Но было поздно. Я уже перенёс центр тяжести, используя его же инерцию. Рука с ножом описала короткую дугу, и лезвие, ещё тёплое от маминой крови, со странным сочным хрустом вошло ему в живот чуть ниже грудной клетки.

Он не закричал. Из его горла вырвался лишь короткий удивлённый выдох — «У-ух!». Его глаза округлились. Он посмотрел на рукоять ножа, торчащую из его грязной футболки, потом на меня. В его взгляде не было ненависти. Было дикое, непонимающее изумление. Как этот щенок... как он посмел?.. Он схватился за моё запястье, пытаясь вытащить лезвие, но я только сильнее погрузил его ему в грудь по самую рукоятку. В висках бился пульс, тело дрожало от конной дозы адреналина, разливавшегося по моим венам.

Я не дал ему опомниться. Вытащил нож. Звук был ужасен, но я снова вонзил его. Теперь в бок. Моя рука двигалась с пугающей эффективностью, будто делала это всю жизнь. Каждый удар был методичным, целеустремлённым. Я не резал. Я прокалывал. Уничтожал. Стирал.

Он начал хрипеть, захлёбываясь собственной кровью. Его руки бессильно замахали, пытаясь ухватиться за меня, но я был уже вне досягаемости, продолжая свою работу. Он осел на колени, потом грузно рухнул на бок прямо в лужу, которую сам и создал. Его тело ещё несколько раз дёрнулось, издавая булькающие звуки, а затем затихло.

Я стоял над ним, тяжело дыша. В носу стоял резкий медный запах крови, смешанный с запахом дешёвого пива и гнили. Нож всё ещё был зажат в моей руке. Кровь с него капала на пол, сливаясь с остальной. Я смотрел на его лицо. Навсегда застывшее в гримасе немого вопроса. Внезапно меня охватила странная, пугающая ясность. Я не чувствовал триумфа. Не чувствовал даже облегчения. Была только пустота. Глухая, всепоглощающая пустота, в которой плавало лишь одно осознание: теперь я совсем один. Он никогда не был мне отцом. Он был чудовищем, которое разрушило моё детство. Которое убило мою мать. Убило...

И тогда, сквозь этот вакуум, прорвалось другое. Острая, режущая, живая боль. Мама.

Мама...

Воздух вырывался из лёгких рваными клубками, и сознание начало постепенно проявляться. Искажённое в мерзкой гримасе лицо отца, кухня залитая кровью, битая посуда и самый дорогой мне человек, который лежал всего в метре от этого ужаса. Эмоции, которые не смогли выйти до этого, прорвали платину и вырвались наружу. Из моего горла сорвалось рваное рыдание, и я упал на колени рядом с матерью. Глаза больше не светились, они были наполнены страхом и слезами. Руки, которые раньше меня обнимали, гладили по волосам, успокаивали от кошмаров, теперь навсегда застыли и окрасились кровью. Моя рука потянулась к её щеке, вытирая дорожку слёз.

— Мама... Мам... Проснись... — я потряс её за плечо. Мозг отказывался принимать реальность. — Мамочка... Ты обещала... Ты обещала... Ч...то придёшь... Проснись, пожалуйста! — слёзы полились градом, когда я обнял её безжизненное тело. У меня отняли самое дорогое. Единственное, что у меня было. Я остался совсем один. Совсем. Один.

— Крис...

Голос. Он прозвучал прямо у моего уха. Тихий, пронизанный болью. Её голос. Но... не мамин. Он был другим. Моложе. Хрупким, как тонкий лёд.

Я оторвался от неё с трудом, чтобы посмотреть на тело сквозь глаза, залитые слезами, пытаясь сфокусироваться. И... увидел.

Лицо под моими руками менялось. Коричневые короткие волосы расплывались, превращаясь в длинные, тёмно-каштановые пряди. Бледные щёки покрывались синяками усталости и грязи. Голубые, пустые глаза... медленно приобретали новые оттенки. И в них был изумрудный цвет. Цвет, который я видел в своей голове каждую ночь с тех пор, как впервые встретил её взгляд в больничном коридоре.

Эмма.

Она лежала на месте мамы, смотря на меня. В её зелёных глазах не было упрёка. Была только бесконечная, всепонимающая грусть и... вопрос.

— Почему ты меня не спас, Крис? — прошептала она, и её губы дрогнули. В центре её груди, на том же месте, что и у мамы, начало расплзаться алое пятно, пропитывая простую тёмную ткань. — Ты обещал... всегда быть рядом... Обещал любить меня...

— Эмма... нет... — Я попытался стереть кровь, но мои пальцы только размазали её по ткани. — Я ищу тебя... Я...

— Но ещё не нашёл, — она слабо покачала головой, и слеза скатилась по виску, смешиваясь с грязью. — Она умерла из-за монстра. Я умираю из-за монстра. И ты... ты не спас ни одну из нас. Твоя мама... и я... Мы обе на твоей совести, Кристофер.

Её голос стал тише, едва слышным.

— Ты не сдержал слово.

Её глаза... те самые изумрудные глаза, в которых я хотел тонуть, медленно закрылись. Тело под моими руками стало невесомым, прозрачным. Оно начало рассыпаться, превращаясь в мелкую серебристую пыль, которая утекала сквозь мои пальцы, смешиваясь с чёрной кровью на полу.

— НЕТ! ЭММА! ВЕРНИСЬ!

Я сжал пустые ладони, пытаюсь удержать последние крупинцы. Но в них осталась только липкая холодная влага. Я остался на коленях посреди окровавленной кухни. В тишине, нарушаемой только мерзким тиканьем часов и моим собственным бешеным сердцебиением.

Они обе на твоей совести.

Эмма. Моя девочка...

— Крис! Крис, проснись!

Чьи-то руки трясут меня за плечи, и мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что это Кайл. Зрение всё ещё смазанное, лицо приятеля расплывается перед глазами в одну смазанную кашу. Всё тело затекло, голова раскалывается, я ничего не понимаю.

— Сколько же ты не спал, что вырубился посреди комнаты? — обеспокоенно хрипит Кайл, помогая мне сесть.

Придерживая меня за спину, он всматривается в моё лицо со встревоженным выражением. За последнее время он очень похудел. Теперь от нахального и вечно отрывающегося в клубах парня не осталось и следа. Он кладёт руку мне на затылок и сокрушенно вздыхает.

— Ты себя так до могилы доведешь. Когда ты ел в последний раз?

— Не помню, — хрипло шепчу я, не прилагая никаких усилий, чтобы вспомнить о своем последнем приеме пищи. В голове царит хаос, который не даёт мне мыслить здраво.

— Это не дело. Давай, вставай, я принесу тебе еды и позову медика. — Он помогает мне встать, закидывая мою руку себе на плечи. Ноги отказываются двигаться, тело тяжелое, словно мешок с тонной картошки.

— Просто оставь меня. Мне нужно ещё пробить несколько предполагаемых мест, где спрятали её.

Моя спина ударяется о мягкую спинку кожаного дивана, а голова в изнеможении откидывается назад. Руки Кайла продолжают держать меня за плечи, придавливая к месту.

— Даже не думай, Блэк. Ты не сдвинешься с этого места, пока не поешь. Ты уже не можешь голову толком держать, думаешь, что сможешь найти её в таком состоянии? — Кайл понизил голос, сильнее сжав хватку. — Сиди здесь и жди. Я скоро вернусь. Но если я увижу, что ты хотя бы попытался сойти с этого места, я самолично тебя привяжу намертво к этому дивану.

С этими словами он отстранился, и дверь захлопнулась, оставив меня наедине с моим отчаянием. Две с половиной недели я живу в аду, где нет её. Этот уёбок Морсбрингер забрал Эмму и спрятал в одном из своих укрытий, которое найти может, похоже, только Дьявол. Возможно, он вовсе вывез её из страны, и она может оказаться в любом из самых дальних уголков нашей планеты. Я пытался её найти и пытаюсь до сих пор. Я не остановлюсь и сделаю всё, что в моих силах, лишь бы снова увидеть её живой. Живой, дышащей, дерзкой, *любимой*. И когда я её найду... Морсбрингер будет гореть. Долго и мучительно. Я не дам ему умереть быстро. Будет слишком просто и милосердно для такого выродка, как это отродье. Даже в аду он должен мучиться. От моей руки. Потому что даже после смерти я его не оставлю.

Кайл вернулся уже через пару мгновений с контейнером готовой еды из магазина. За ним в комнату вошёл Антонио. Он согласился с нами сотрудничать после того, как узнал о произошедшем. Он не бросает своих друзей в беде и всегда готов прийти на помощь, даже если очень боится. Это мне в нём и нравится, может, поэтому он стал врачом. Теперь он работает на нас за хорошую плату и помогает с ранеными. После взрыва в отеле многие из наших парней погибли, некоторые остались с тяжёлыми ранениями и травмами, поэтому медик нам был необходим. Он зашёл уверенно и сразу двинулся ко мне, держа в руке медицинский чемоданчик.

— Привет, Крис. Как ты? — спросил он, сев рядом со мной на край дивана.

— А по мне не видно? — с губ срывается хриплый кашель.

Он вздыхает и открывает чемоданчик, доставая оттуда всякие лекарства, градусник и прочую дребедень.

— Физически видно, но я спрашиваю о твоём ментальном состоянии.

— Ты хирург, а не психолог. Да и не нужна мне никакая помощь, — огрызаюсь я, уже собираясь встать, но рука Кайла останавливает меня на пол пути.

Антонио проводит рукой по волосам и взглядом просит Кайла убрать руку.

— Я в первую очередь врач, Крис. Меня волнуют не только физические травмы пациента, но и моральные. И лучше бы тебе не брыкаться, если не хочешь, чтобы я промахнулся пока делаю укол.

— Что ты собрался мне колоть?

— Обычные витамины и успокоительное. Ты истощен, в таком состоянии ты скоро сломаешься, если продолжишь плевать на своё здоровье.

С ними бесполезно разговаривать, поэтому я сдался и позволил ему делать свою работу. Кайл прожигал меня взглядом, в котором было замешано слишком много эмоций. Нам всем тяжело. Он потерял слишком много людей и вынужден присматривать за мной, потому что я сейчас не в том состоянии, чтобы вести себя разумно. Мой внутренний зверь сорвался с цепи в тот момент, когда у меня отняли самое дорогое. Первые дни я был не в себе. Метался из стороны в сторону, как обезумевший. Не хватит пальцев, чтобы посчитать жертв, которых я ловил в переулках в надежде выпустить волны ярости. Но всегда было мало. Я перерезал всех ублюдков, попадавших мне на глаза в затхлых переулках Лондона. Я изрыскал все улицы, все подвалы, заводы, всевозможные здания, но ничего не нашёл. Ни единого следа Эммы или этого ублюдка Морсбрингера.

Марку Осборну тоже не хило досталось. Он единственный, кто в последнее время контактировал с Лукой, и я был готов выбить из него все ответы. Кайл и его парни оттаскивали меня, когда я начал избивать этот кусок говна до полусмерти. Он хрипел, умолял, извивался

под моими руками, но не выдал ничего стоящего. Я уверен, что он что-то скрывает, просто нужен ещё больший рычаг давления, чтобы выбить из него всю правду.

С каждым днём мне кажется, что проблемы вокруг меня плодятся, как мухи на навозе. Рик стал одной из этих проблем. Я не простил его за первое предательство, но он посмел пойти на второе. Перешёл на враждебную сторону, зная, что это меня сломает. Я надеялся, что он одумается и вернется в команду, но он выбрал иной исход. Когда я увидел его в отеле, во мне что-то перевернулось. Да, доверие к нему подорвалось ещё когда вскрылась правда о первом похищении Эммы, но была надежда, что он всё-таки не настолько прогнил в своей ревности и "желании меня защитить". Всё это бред. Возможно, он изначально был двуликим убождом, просто я этого не замечал, но сейчас все карты вскрыты. И я готов ему отплатить той же монетой. Мне плевать, что Морсбрингер накачивал его дурью, чтобы тот подчинялся беспрекословно. Тот факт, что они до этого держали связь, намного перевешивает остальные детали. Рик теперь зависимый, но это нам даже на руку. Такие ради дозы готовы сказать всё что угодно, лишь бы остановить режущее изнутри ощущение ломки. Давать ему "сладкое" мы, конечно, не будем, но всю возможную информацию вытянем.

— Пульс стабилен, но давление немного понижено. Жить будешь, только не забивай на себя и обязательно поешь. — Антонио снимает с моей руки тонометр и убирает его.

Я поправляю рукав рубашки и провожу рукой по лицу. Голова раскалывается.

— Как Рик?

В комнате повисает напряженная тишина. Все уже уяснили, что когда я спрашиваю об этом предателе, разговор хорошим не закончится.

Кайл прочищает горло и ставит на рабочий стол контейнер с едой.

— Сейчас он под снотворным. Ломки очень сильные, постоянно кричит дурниной и не подпускает никого к себе. У камеры стоит охрана, следят, чтобы он не покончил с собой.

— Пусть только попробует сдохнуть. Я его из преисподней достану. — Мои руки сжимаются в кулаки.

Слова выходят сквозь зубы, тихо, но с такой ледяной яростью, что даже Антонио, поправляя очки, отводит взгляд. Кулаки сжимаются сами собой, суставы побелели. Рик не посмеет сбежать так просто. Не после всего.

— Мы увеличили дозировку успокоительного, — осторожно говорит Кайл, откупоривая бутылку воды. — Но, Крис... он бредит. Кричит её имя. То зовёт, то умоляет прощения... то смеётся.

В моей груди что-то остро сжимается. Её имя на его губах — это осквернение. Грязь. Как будто он пачкает её своей гнилой памятью.

— Он что-то говорит? Осмысленное. — Голос мой звучит ровно, но внутри уже натягивается тетива.

Кайл переглядывается с Антонио. Между ними проходит нечто вроде молчаливого спора. В конце концов, Кайл сдаётся, тяжело выдыхая.

— Говорит. Обрывками. То про «старую церковь на болотах», то про «морг под фабрикой». Места, которые мы уже обыскали вдоль и поперёк. Но сегодня... — он делает паузу, будто взвешивая, стоит ли это произносить вслух. — Сегодня он начал повторять одно и то же. «Он хочет её сломать не сразу. Он хочет, чтобы она сама попросила».

Воздух из комнаты уходит. Становится тихо, так тихо, что слышно, как по стеклу стучит редкий дождь. Но в моих ушах стоит оглушительный рёв. Рёв зверя, которого только что ткнули раскалённым прутком в самую свежую рану.

«Она сама попросила». Нет. Ни за что. Не Эмма. Она будет бороться до последнего вздоха. Она будет царапать стены, будет плевать ему в лицо, будет молчать, если не сможет кричать. Она не попросит. Не смеет.

Но холодная логичная часть моего мозга, та, что осталась от прежнего расчётливого киллера, тут же выстраивает чудовищное уравнение. Морсбрингер мастер пыток. Не только физических. Он ломает через боль, через унижение, через отнятие всего, что делает человека человеком. «Попросить» можно о чём угодно. О смерти. О прекращении боли. О крошке хлеба. О том, чтобы он просто... не трогал. Если отнять у человека всё, даже надежду, даже чувство собственного достоинства, в нём останется только инстинкт. А инстинкт будет молить о том, что принесёт хоть секунду облегчения. Даже если это облегчение — новый виток ада.

Меня начинает трясти. Сначала изнутри, мелкой неконтролируемой дрожью. Потом она выходит наружу, плечи дёргаются, зубы смыкаются так, что челюсти сводит.

— Крис. — Рука Антонио кладёт ладонь мне на предплечье, твёрдо, по-врачебному. — Дыши. Ты не поможешь ей, если сам развалишься.

Я сбрасываю его руку и встаю. Мир качнулся, но я устоял. Опираясь на стол, я делаю глубокий хриплый вдох. Пахнет лекарствами, пылью и отчаянием.

— Нужно проверить «морг под фабрикой» ещё раз, — говорю я, глядя на карту, прищипленную к стене. Места, отмеченные красным, уже все перечёркнуты. Но одно из них — заброшенный морг возле старой текстильной фабрики в Ист-Энде, всегда казалось мне... слишком очевидным. Слишком клишированным. Морсбрингер любит изящество в своём безумии. Он не стал бы прятать её в таком банальном месте. А если... если он рассчитывал именно на это? На то, что мы сочтём это слишком банальным?

— Мы там были трижды, — устало говорит Кайл. — Ничего. Только крысы да граффити.

— Был ли там подвал? Настоящий, старый, не отмеченный в планах? — Я поворачиваюсь к нему. — Тот морг работал в войну. У них должны были быть холодильные камеры. Бомбоубежища. Что-то под землёй.

Кайл медленно моргает, переваривая. Его усталое лицо постепенно оживает профессиональным интересом.

— Мы проверяли подвал. Он был завален хламом. Но... если там был люк, спрятанный под этим хламом... Мы его могли не найти. Особенно в темноте.

Адреналин, острый и горький, пробивается сквозь апатию и усталость. Это не надежда. Надежда — это для дураков. Это возможность. Крошечный, ничтожный шанс.

— Собирай людей, — говорю я Кайлу, уже срывая с вешалки кожаный плащ. — Не наших обычных. Возьми тех, кто умеет работать с металлом, сносить стены. И возьми с собой тепловизор. Если под полом или за стеной есть пустота с другим температурным режимом, мы это увидим.

— Крис, тебе нужно отдохнуть, — снова начинает Антонио, но я обрываю его взглядом.

— Я отдохну, когда найду её. — В голосе звучит та самая сталь, что заставила когда-то трепетать целый преступный Лондон. — А пока... я буду рыть эту гребаную землю когтями, если понадобится. Но я её найду.

Я смотрю на контейнер с едой, который принёс Кайл. Холодная паста. Безвкусное топливо. Я открываю крышку и начинаю есть. Не потому, что хочу. Потому что надо. Каждый кусок — это сила для следующего шага. Каждый глоток воды — это выносливость для следующего удара.

Пока я ем, мои глаза не отрываются от карты. От того места, где отмечена старая фабрика. В голове проносятся обрывки бреда Рика, психопатическая любовь Морсбрингера к театральности, его желание не просто спрятать, а выставить свою жертву в правильной, ужасающей декорации.

Морг. Место, где хранят мёртвых. Идеально для того, кто хочет заставить живого человека почувствовать себя трупом.

Я доедаю последнюю вилку пасты и отставляю контейнер.

— Время вышло. Кайл, машина через пять минут. Антонио, будь на связи. Если Рик очнётся и скажет хоть слово, звони сразу.

Я не спрашиваю, согласны ли они. В их глазах я вижу то же, что и в своих: усталость, боль, но и искру того самого, цепкого, хищного упрямства, которое не даёт сдаться.

Дверь захлопывается за мной. В коридоре пахнет сыростью и металлом. Я иду, и с каждым шагом сквозь физическое истощение пробивается знакомая холодная концентрация. Охотника. Киллера.

Держись, Эмма. Я иду. И если он хоть волос с твоей головы тронул... ему будет мало того ада, который он для тебя приготовил.

Ему достанется тот, что я ношу в себе.

По дороге в морг мои мысли прокручивают самые ужасные сценарии. Что если он уже убил её, и я найду её труп посреди грязного подвала? Нет. Этого не произойдёт. Она жива, я это чувствую. И я найду её.

Погода полностью описывает моё состояние: небо заволокли чёрные тучи, снег смешивается с грязью, превращая дороги в сплошное болото. Мне нужно держать себя в руках, но я еле сдерживаюсь, представляя возможные исходы и вспоминая о Рике, который мучается в агонии от ломки. Я обязательно зайду к нему, но не знаю, смогу ли сдержаться и не сломать ему рёбра. Мне нужна информация, только вот достать её в три раза сложнее, чем выполнять заказы. Из любого другого ублюдка я бы давно выбил всё дерьмо, но Рик... Чёрт.

Морг показался в поле зрения уже через полтора часа езды. Проклятое место, из которого несёт сплошными трупами, гнилью и смертью. Любимые запахи Морсбрингера. В этих запахах я его и закопаю. Здание заброшено и выглядит по-настоящему жутко. Стены наполовину разрушены и разрисованы разными граффити. Не удивлюсь, если здесь когда-то собиралась какая-нибудь секта.

Кайл со своими людьми вышли за мной следом, собирая всё оборудование и оружие. Варианта два: либо мы снова окажемся в тупике, не найдя никакой зацепки, либо здесь произойдет бойня, которая унесет не одну жизнь. Я к этому готов. К бойне. Но никогда не буду готов к тому, чего боюсь больше всего. Глубокий вдох, Крис. Всё будет хорошо.

Всё будет хорошо.

— Пошли, — бросаю я, схватив пистолет, и иду ко входу, точнее, к тому, что от него осталось.

Повсюду разбросаны бетонные обломки, части арматуры, стекло и другая дрянь. Гнилостный запах сразу заполняет ноздри, что заставляет некоторых из людей поморщиться, но мне плевать на запах. Я пришел сюда убивать.

Кайл отправил половину парней осматривать периметр, пара человек осталась снаружи, чтобы если что оповестить нас о приходе незваных гостей. Остальные шли за нами. Вокруг стояла глухая тишина, лишь только стекло трескалось у нас под ногами. Я не вижу никаких намёков на присутствие здесь хоть одной живой души, от этого моё сердце начинает биться чаще. Надежда умирает последней, но её крупинки начинают постепенно рассеиваться.

— Расчистить тут всё. Кайл, проверь каждый уголок на температуру. Здесь должно что-то быть.

С этими словами началась работа. Помещение наполнилось звуками раскопок, грохотом бетонных плит и учащенного дыхания парней. Я осматривал каждый квадратный метр этого зловонного места, поднимал каждую разбитую плитку и открывал все холодильные камеры, в которых когда-то лежали трупы, но ничего. Моё терпение начало иссекать с каждым мгновением. Прошёл час, потом ещё час, и я уже начал терять счёт времени. Её здесь нет. Снова провал. Мой кулак врезался в бетонную стену, отдаваясь острой болью. Кровь начала стекать по костяшкам, но я не чувствовал ничего, кроме обрушившегося на меня разочарования. Это

невыносимо. Я готов разнести всё это чертово здание, лишь бы избавиться от этих гребаных чувств, которые стали губить меня.

Но в один момент раздался крик Кайла.

— Крис! Я нашёл!

Неужели...

Я сорвался с места, идя на звук. Кайл стоял у груды расчищенных обломков, смотря куда-то вниз. Люк.

— Открывай.

Парни начали вскрывать металлическую крышку, открывая моему взору чёрную дыру, в которую вела ржавая лестница. Её конца не было видно, но я не раздумывая полез вниз.

— Крис, стой! Там может быть опасно! — Кайл пытался меня остановить, но я уже с головой погрузился туда. Внизу царила крошечная темнота, единственным источником света была дыра люка, ведущая на поверхность. Я достал фонарик, освещая себе путь, и с каждой секундой моё сердце поднималось всё выше к горлу. Стены были окрашены кровью, её было слишком много, словно кто-то специально облил ею стены, либо же здесь происходила резня. Воздух был плотным, удушающим — смесь плесени и крови. Где-то падали капли, обдавая звуком стены, но больше я ничего не слышал.

— Здесь есть кто-нибудь?

Тишина.

— Крис, что там? — голос Кайла стал похож на испуганный.

— Спускайтесь, здесь чисто.

Пока парни спускались, я постепенно осматривал помещение. Свет фонаря проходил по стенам, освещая красные подтеки, пока я не направил его вперед. Передо мной появилась надпись, которую старательно выписывали кровью. По следам можно понять, что писали её ладонью. Буквы кривые, с проплешинами и кровоподтеками снизу, словно её сделали совсем недавно. Чьё-то послание. Но его содержимое...

«Прими первый подарок, Блэк. В честь начала нашего веселья.»

Стрелка, начинавшаяся от послания, показывала куда-то вниз. Фонарь медленно провёл по ней, опускаясь всё ближе к полу, и мир вокруг замер.

На полу лежала девушка, обёрнутая спиной ко мне. Одежда была разорвана, по телу разбросаны многочисленные раны и гематомы. Волосы... цвета шоколада, но смешаны с кровью. Нет... Не может быть.

Ноги сами шагнули вперед, но разум протестовал. В голове смолкли все мысли, оставив в оглушительной тишине плохого предчувствия. Это не может быть она. Не может... Пожалуй-ста...

Я опустился на колени, не замечая, как осколки стекла моментально вонзились в кожу. Перед глазами стоял только образ тела, лежащего передо мной. На девушке не было нижнего белья, из одежды только порванная футболка, которая не скрывала абсолютно ничего. Руки затряслись, боясь прикоснуться и увидеть её. Глаза пробежались по телу, пытаясь найти отличия, но ничего не отличало эту девушку от любви всей моей жизни. Размер груди, строение тела, волосы — всё было, как у Эммы. В глазах зацепило, грудь сдавило так, словно кто-то режет меня изнутри. Я боюсь. Боюсь увидеть её лицо. Должно же быть то, что отличит этот труп от неё. Должно быть...

Моя ладонь потянулась к холодной руке. Если это она, то на запястьях будут шрамы. Их не будет, их не будет, их...

Их нет.

Запястья чистые, ни единого шрама. Это не она. Одним рывком я разворачиваю тело на спину и вижу лицо. Это не Эмма. От облегчения у меня закружилась голова, а с губ сорвался

судорожный вздох. Я уронил голову, чувствуя, как моё тело трясёт от адреналина и бешеного ритма биения сердца.

Это не она, Крис. Это не она.

— Боже...

Сзади послышался испуганный выдох Кайла, который появился у меня за спиной. Какое-то время я смотрел на пол, не в силах поднять взгляд. Я был на грани слома, ещё чуть-чуть и мой мир бы рухнул. Слезы потекли по щекам, я не могу больше сдерживаться. Я... Никогда не чувствовал себя таким... таким напуганным, таким опустошённым. Я убивал, видел смерть, держал в руках внутренности врагов, но ничто, ничто не могло сравниться с этим ударом под дых. С этой секундой, когда мир сузился до тёмных волос на грязном полу и возможности, что всё кончено.

Я вытер лицо рукавом, оставив на ткани грязную полосу. Слезы были непозволительной роскошью. Слабостью, которую Морсбрингер жаждал увидеть.

— Он издевается, — мой голос прозвучал чужим, низким и безжизненным. — Это предупреждение. Первый подарок.

Я поднял голову и посмотрел на девушку. Теперь, когда паника отступила, я мог видеть детали. Она была похожа на Эмму, но лишь в общих чертах. Морсбрингер подобрал её специально. Порезы на лице были свежими, но сделаны с хладнокровной жестокостью, не чтобы убить сразу, а чтобы обезобразить. Рот был сшит, придавая этому трупу ещё больший мрак. Красные нити торчали из губ, словно у куклы Вуду, горло было перерезано, именно такие тела находили на окраинах Лондона, когда это всё началось.

— Он хочет, чтобы мы тратили время, — сказал Кайл, присев рядом. Его лицо было бледным, но собранным. — На поиски, на опознание... Он играет с нами. Эта девушка... она просто пешка.

Он был прав. Это был театр. И мы были главными зрителями.

Я встал, колени хрустнули. Боль от осколков в ногах была острой, ясной, почти приятной. Она возвращала меня в реальность. Не давала утонуть в пучине собственных эмоций.

— Осмотрите помещение. Любые следы, любые детали, — отдал я приказ, обращаясь к вошедшим следом ребятам. — Он был здесь. Недавно. Чувствуется.

Сам я подошёл к кровавому посланию на стене. «Первый подарок». Значит, будут и другие. Он ведёт нас по цепочке, как собак на поводке. И самый страшный подарок будет в самом конце. Но от кого... это мы ещё посмотрим.

Я направил фонарь на стрелку, ведущую к телу. И заметил то, что пропустил в шоке. Возле самого пола, в пыли, была не стрелка, а цифра. Едва заметная, нацарапанная тем же материалом, что и надпись.

«I».

Римская единица.

Не просто подарок. Это номер один.

Холодная, методичная ярость начала вытеснять остатки паники. Он всё систематизировал. Всё планировал. Это была не вспышка безумия, а продуманная операция.

— Кайл, — позвал я. — Найди всё, что можно по этой девушке. Фотографии, документы, что угодно. Узнай, кто она. Он выбрал её не случайно.

Морсбрингер не просто убил незнакомку. Он послал сообщение. Возможно, эта девушка была как-то связана с нами. Или с Эммой. Или это был намёк на то, что он сделает с ней.

Я отошёл от тела, стараясь не смотреть на неё. Теперь это был не труп, а улика. Часть пазла.

Мой взгляд снова упал на послание. «Начало нашего веселья».

Хорошо, Лука. Начало.

Ты сделал первый ход.

Теперь мой черёд.

Я достал телефон и сделал несколько чётких фотографий: послание, тело, цифра «I». Это не для полиции. Это для меня, чтобы помнить. Чтобы каждая деталь врезалась в память и питала ту холодную безжалостную силу, которая теперь была единственным, что меня двигало.

— Всё, что нашли, наверх, — сказал я, уже направляясь к выходу. — Мы не будем здесь задерживаться. Это ловушка, и долго оставаться в ней глупо.

Но, проходя мимо, я на секунду остановился и положил своё пальто на тело девушки, закрыв её. Она не была Эммой. Но она была чьей-то Эммой. И она погибла из-за игры, в которую её втянули против её воли.

Этот жест ничего не менял. Но он был важен. Чтобы не забыть, ради чего мы здесь боремся. Не только ради одной женщины. Ради того, чтобы такая бессмысленная жестокость больше не повторялась.

Поднявшись наверх в холодный ночной воздух, я сделал глубокий вдох. Страх ушёл. Осталась только цель. И новый леденящий душу вопрос: если это подарок номер один, то где и когда мы найдём номер два?

И что мы увидим, когда найдём его?

ГЛАВА 4. ЭММА

Раз. Два.

Началась игра.

Три. Четыре.

Открой глаза пошире.

Пять. Шесть.

Пора на кол сесть.

Семь. Восемь.

Никто головы не сносит.

Девять. Десять.

Тихо жизнь твою отвесят.

Он стоит у двери и напевает эту песню часами, словно пытается свести меня с ума. Он уже это сделал, заточив меня в своей тюрьме. Ему не хватило того, что он сотворил со мной две недели назад, ему никогда не будет хватать. Теперь он каждый день стоит, прислонившись к стене, и говорит, говорит, говорит. Я стараюсь не слушать, но это всё равно что пытаться вырваться отсюда. Невозможно. Я не знаю, чего он добивается, в чем заключается его план. Этот человек непредсказуем. Сегодня он будет срывать с тебя кожу, надругаться над твоим телом, а завтра будет стоять, как будто ничего не было. Он не строил со мной диалог, не подходил, не трогал. Только повторял эти строки раз за разом. Это хуже, чем можно представить. Я готова биться головой об стену, вырвать себе барабанные перепонки, только бы заглушить его мерзкий голос. Но я даже не могу к нему подойти, потому что он всё продумал. Приковал наручниками к холодной батарее, чтобы не дать мне попытки броситься на него.

Раны заживают медленно. Эта мразь лишь прислала какого-то человека, больше похожего на медика из типичного хоррора про врача-убийцу. Тот не сильно старался мне помочь, обработал раны и зашил без какой-либо анестезии. Лука хочет моей боли, хочет моих страданий, хочет, чтобы я начала молить о пощаде. Но я лучше сдохну, чем стану его послушной псиной. Пусть надругается, бьёт, режет, пусть делает всё, что угодно его гнилой душе. Мне пришлось смириться с тем, что я новая игрушка в его коллекции жертв, но внутренне я полностью отдана Крису, мысленно я всегда с ним. Интересно, как он? Ищет ли он меня?

А я думала, что ты уже стухла. Ты ещё надеешься, что твой спаситель придёт? Глупышка. Такая глупая, наивная девочка. Зачем тебе этот киллер, если перед тобой стоит сам Лука Морсбрингер? Он твой хозяин. Ты – его игрушка. Смирись. Прими. Подчиняйся.

Заткнись к чёрту. Да, он заполучил меня силой, кинул гнить в это проклятое место, но... Надежда умирает последней, я, по крайней мере, в это верю. Из последних сил, но верю. Дам Морсбрингеру время потерять бдительность, чтобы сделать свой первый ход. Попытаться его сделать.

Дура. Тебя отымали, как грязную иллюху, а ты ещё питаешь надежду на скорое спасение? Ты никому не будешь нужна такая. Использованная кукла, которую сдали в магазин. Кто такую купит? Верно, никто. Ты брак, который не подлежит восстановлению. И всегда им останешься, вот увидишь.

— Как себя чувствуешь, детка? Ножка больше не болит? — Неожиданно бросает Морсбрингер, заставляя меня вздрогнуть.

Я медленно поворачиваю голову, чтобы встретиться с его безумным взглядом здорового глаза. Его губы растягиваются в хищной издевательской ухмылке, когда он делает шаг вперёд.

— Это забота или попытка скрыть свою гнилую сущность? — Мой голос охрип от нескольких дней полного молчания.

— Просто интерес. Я же не совсем бездушный монстр, Эмма. Не хочу, чтобы тебе было больно, — он делает ещё шаг, постепенно перекрывая свет своей тенью.

— Ты сейчас серьёзно? — во мне закипает ярость, настолько сильная, что я дергаюсь, желая выпарапать ему глаза, но меня останавливают наручники, впивающиеся в кожу. — Ты издеваешься надо мной, как живодёр над животными, а теперь говоришь, что не хочешь моей боли? Ты психопат, Морсбрингер!

Его ухмылка становится только шире. Шрам на его щеке растягивается, продлевая эту ужасающую картину. Сев на корточки, он касается моей раненой щеки, проводя по всей длине пореза пальцами.

— Да, я психопат, но тебя это разве не возбуждает? Чем я хуже Блэка? Скажи. Мне даже интересно послушать, чем этот щенок меня обыгрывает.

Держи себя в руках, Эмма. Он играет с тобой, хочет вывести тебя на эмоции. Лиши его этого. Дай ему поверить, что ты сломалась, что стала пешкой в его партии. Дай ему веру в твой крах.

Несмотря на бушующие во мне злость и отвращение, я глубоко вздыхаю, подавляя порыв ругательств. Он не должен видеть мою борьбу. Для него я буду слабой тряпкой, которой уже всё равно на своё существование.

— Я... Я не знаю...

Мой ответ приводит его в секундное замешательство, но за ним следует стон удовлетворения.

— Моя девочка наконец поняла, кто здесь хозяин? — он улыбнулся, поддев мой подбородок пальцами. — Я думал, что тебе понадобится больше времени, чтобы принять реальность.

Его горячее дыхание касается моих губ, обдавая теплом. Я чувствую запах мятной жвачки и аромат его лавандового парфюма, только всё это смешивается с запахом мокрой плесени и запекшейся крови. Я уже приготовилась к очередному мерзкому прикосновению его губ, но он больше не двинулся, оставшись в паре дюймов от меня.

— Я жду, детка. Поцелуй меня.

Он хочет, чтобы я...

Мразь. Он не даёт мне выбора, желая, чтобы я сама сделала этот шаг. Он хочет убедиться, что я правда приняла ту реальность, в которой он — мой хозяин.

— Ну же... Или ты передумала?

Я убью тебя, Лука Морсбрингер. Только дай мне время.

Мои губы коснулись его в едва уловимом прикосновении, но он не двигался. Он хотел, чтобы я взяла контроль, показала ему, что моя жизнь принадлежит ему. Ублюдок.

Но я это сделала, пусть и сдерживая рвотные позывы. Мои губы двигались по его рту, прикусывая, зализывая, пытаюсь выставить всё так, словно этот поцелуй не вызывает у меня глубокого отвращения. Он не отвечал, лишь наблюдал, как я лезу из кожи вон, чтобы хоть как-то удовлетворить его извращенный разум. Эта пытка длилась минуту, но когда я уже хотела отстраниться, он обхватил рукой мой затылок, не давая двинуться.

— Продолжай.

Он с силой впечатал меня к своим губам и начал пробиваться внутрь языком. Мне очень хотелось откусить ему его, но тогда это разрушит мой план. Терпи, Эмма. Это ради твоего же блага.

Он не целовал. Поцелуй — слово слишком нежное и романтическое. Он истезал. Кусал, оттягивал, рвал губы до крови, но не останавливался. Ему приносило удовольствие лишь одна мысль о том, что я даю ему право прикасаться к себе без препятствий. Но его голод не утолишь лишь первым блюдом. Он будет ждать десерт.

— Покажи, что ты чувствуешь, целуя меня. Покажи, как тебе это нравится. — Прорывал он мне в губы, захватывая их в новом поцелуе.

Боже, ещё чуть-чуть и меня вывернет на изнанку. Не самый плохой вариант, я бы даже хотела извергнуть ему на лицо содержимое своего желудка, но сейчас это не входит в мой план, пока что. Что именно он хочет? Чтобы я разделась и предоставила ему своё тело во всей красе? Не дожждётся. Максимум, что я могу ему дать — это тихий стон "удовольствия". Что я и делаю. И ему это нравится. Его руки спустились мне на талию, обводя изгибы, поднимаясь к груди. Список моих желаний пополняется, стоит мысли оторвать ему руки появиться в моей голове. Его рука сжимает мою правую грудь, вызывая неприятную боль. Если бы этот жест сделал Крис, я бы давно расплылась на кровати, чувствуя себя на грани экстаза, но когда это делает чудовище, ты не можешь испытывать ничего, кроме боли и отвращения. На мгновение меня охватила паника, что сейчас он начнёт раздевать и совершит насильный половой акт, но он внезапно отстранился.

— Хорошего понемножку, котёнок.

Это прозвище прорезало мой слух, вызывая ноющую боль в груди. Только *он* называл меня так. Только *он* может меня так называть. Никто другой.

— Не называй меня так, — слова вырываются у меня прежде, чем я успеваю подумать. Его лицо меняется с довольного на ожесточенное и угрожающее. Нет. Нет, пожалуйста.

— Прости... Я... я не хотела.

— Не хотела что? — он испытывающе наклонился вперед, задевая мой нос своим.

Я не нашла, что ответить. У меня не было ответа. Никто не может называть меня этим прозвищем, кроме Криса. Знаю, что за эту ошибку я понесу наказание, но уж лучше так, чем позволить себе предать последнюю частичку себя. Предать *его*.

— Раз так, то настало время моего нового подарка. Он не основной, но думаю, тебе понравится.

Он отстраняется, награждая меня торжествующей ухмылкой, и щелкает пальцами. В одно мгновение из стен полились струи свежей крови. Морсбрингер начал шагать к выходу, не сводя с меня глаз, но по его лицу видно, что это будет очередной пыткой для моей расшатанной психики.

— Хорошего вечера, Эмми. Наслаждайся.

И он ушел. Оставил меня наедине со своим страхом. Не ради удовольствия, а для того, чтобы прочить.

Кровь заполняла помещение с невероятной скоростью. Её металлический запах вызывал резкое головокружение, тошноту и ту самую панику, которая живёт со мной со времен гибели Лины. Я научилась её сдерживать, когда её количество не превышало объем ведра, но когда она буквально заполняет собой всё вокруг – паники не избежать. Я словно оказалась в одном из своих кошмаров, где алая жидкость затягивала меня с головой в жерло ада, но теперь этот кошмар стал явью. Меня не волнует, чья эта кровь, откуда она у него, и как он всё это провернул. Возможно, все его пытки и наказания были продуманны давно. Морсбрингер не глупый. Он – психопат с манией величия и творец с ножом в руках. И он хочет меня уничтожить.

Я слилась со стеной, чувствуя, как моё дыхание начинает сбиваться. Зрение затуманивается, когда я наблюдаю, как пол начинает заполнять один из моих главных страхов. Кровь касается моих ног, начиная затягивать и поглощать всё на своём пути. Она едва тёплая... Свежая?... Или это смесь свежей и уже холодной, боже.

Я бегаю глазами по помещению, пытаюсь найти хоть что-то, что сможет это остановить. Дверь заперта, окон нет, только одна ржавая труба и мусор, затянутый в пучину этой адской жидкости. Грудная клетка вздымается в ненормальном ритме, пытаюсь поймать хоть немного воздуха, но он стал густым, металлическим и дышать стало невозможно. Я даже не могу встать из-за этой гребаной ноги! Смесь паники, запаха и всепоглощающего страха вызывают у меня мгновенное чувство оцепенения. То самое, которое я ненавидела всей душой. Чувство беспо-

мощности. В моей голове твориться хаос, неумолкаемый голос бьется о стенки черепа, смешиваясь со звуком льющейся крови.

[illegible]

ОНА ЗАТЯНЕТ ТЕБЯ, ТЫ НЕ СМОЖЕШЬ ВЫБРАТЬСЯ, ТЫ БУДЕШЬ ГОРЕТЬ В АДУ ЭММА
ТЫ СДОХНЕШЬ ЗДЕСЬ ЗА ХЛЕБЫ ВАЯ СЯ В СОБСТВЕННОМ СТРАХЕ ЗАПЛАТИШЬ ЗА
ВСЕ СВОИ ГРЕХИ

УМРИУМРИУМРИУМРИУМРИУМРИУМРИУМРИ!!

В ушах начинает звенеть, я больше не могу. Не могу так. НЕ МОГУ!

Из моего горла вырывается истошный крик, заполняющий всё это гнилое, пропахнувшее смертью помещение. Я кричу, пытаюсь заглушить это безумие в моей голове. Но оно не умолкает. Не умолкает!

УМОЛЯЙЕГОУМОЛЯЙЕГОСПАСТИТЕБЯТЫДОЛЖНАПРОСИТЬСВОЕГОХОЗЯИНА-ОМИЛОСТИ

ПРОСИГРЯЗНАЯТВАРЬПРОСИ!УМОЛЯЙЕГОСПАСТИТЕБЯ!

Я сдвинула голову руками, пытаясь убежать от этого навязчивого голоса, но всё было бесполезно. Он в моей голове. Как бы я не хотела, как бы не пыталась убежать от него – его не заглушить. Он всегда со мной.

Кровь была уже на уровне моего живота, которая теперь смешивалась с моими слезами. Её уровень становится всё выше, не давая мне возможности даже нормально двигаться. Она слишком густая, слишком зловонная, чтобы противостоять ей и её количеству.

Сознание начало плыть, заглушая мои крики. Кажется, что моё сердце вот-вот остановится, а тело утонет в этом аду без шанса на выживание.

Попроси, Эмма. Попроси его спасти тебя. Умоляй.

— УМОЛЯЮ... Х... ХВАТИТ...

Мой дрожащий шёпот был едва слышен, голос охрип от обезумевших криков, ставший похожим на голос человека с раком гортани. Но кровь не останавливалась ни на секунду, всё выше поднимаясь к мой груди. С губ сорвалось сдавленное рыдание, сотрясая мои плечи, когда отчаяние охватило мой разум окончательно.

— ХВАТИТ! УМОЛЯЮ, ПРЕКРАТИ ВСЁ ЭТО! ПРОШУ ТЕБЯ! — Кричу я, потеряв какой-либо рассудок. Лишь бы это закончилось, пусть он прекратит этот ад.

За металлической дверью послышался торжествующий мерзкий голос, который я бы хотела стереть с лица земли больше всего на свете, вырезать себе уши, чтобы больше его никогда не слышать.

— Скажи волшебное слово, детка. Будь воспитанной девочкой.

Мразь.

— Пожалуйста... — мой голос вновь перешел на шёпот.

— Громче, детка. Я не слышу.

— ПОЖАЛУЙСТА! ПОЖАЛУЙСТА, БЛЯТЬ, ОСТАНОВИ ЭТО!

Внезапно постоянный поток крови прекратился. Мне потребовалось пару мгновений, чтобы осознать, что объем алой жидкости начал уменьшаться. Сознание плыло, не давая нормально соображать и осознавать происходящее. Я лишь расплывчато видела убывающую куда-то вниз кровь и пошарпанные стены, на которых остались красные брызги. Моя голова с глухим стуком ударилась об стену, когда изнеможение начало охватывать моё тело с уходом адреналина. Кровь стекала в сливной трап, оставляя за собой многочисленные разводы, напоминающие о моей пытке. Одежда, руки, волосы – всё было запятнано этим кошмаром. Казалось, что она въедалась в кожу, пропитывала мою душу, выжигала всё изнутри. Кровь, от которой я не отмоюсь никогда.

Ты пропитана этим, Эмма. Просто признай это. Вся твоя жизнь – это пролитие чужой крови, которая сейчас вернулась к тебе в виде наказания. Каждая капля на твоей совести, каждая смерть на твоих плечах, каждый человек – твоя жертва. А теперь настало время платить по счетам. Мусор.

Железная дверь открылась с ужасным скрипом, когда последние капли крови канули в трап. Даже через туман разума, звон в ушах и размытую картинку, не трудно было догадаться, кто зашел в мой личный ад.

— Как тебе сервис, детка? Всё понравилось? — его шаги отдавались эхом, когда он приближался ко мне.

Пошёл ты к черту, гнида.

Я лишь слабо, через силу повернула голову, чтобы посмотреть этому ублюдку в глаза. Конечно, он получает удовольствие, это видно по его поганой ухмылке. Каждое его движение наполнено торжествующей ноткой, словно он уже знает исход нашей истории.

— Тебе очень идёт кровь, Эмма. Должен сказать, что ещё никогда не видел девушку, которой она была бы настолько к лицу, — его пальцы проходятся по стене, на которой остались многочисленные красные следы. — Ты знаешь, что каннибализм – это один из актов любви?

Я стараюсь следить за его движениями, но моё зрение периодически теряет фокус. Его пальцы с какой-то странной грацией начинают выводить кровавые узоры на стене, по крайней мере, я так думала. Но это оказались совсем не узоры. Он писал. Писал послание, которое будет всегда у меня на виду.

"I'll devour you"

Сделав последний штрих, он высовывает язык и проводит им по всей длине пальцев, слизывая оставшуюся на них кровь дочиста. Его глаза закрываются в наслаждении, когда он смакует каждую каплю.

— Твоя была бы вкуснее, но мы ещё дойдём до этого, — ухмыльнулся он, поворачиваясь ко мне. — Обязательно дойдём.

Его фигура приближается, открывая моему взору звериный оскал, окрасивший его лицо. Лаковые туфли покрылись красными пятнами, ступая по алым лужицам и разнося мерзкие хлюпающие звуки. Он похож на мясника, которому не хватает только топора в руке. Его пальцы проводят по полу, собирая кровь, как художник, готовый начать творить, и касается уголка моей уцелевшей стороны губы.

— Улыбнись, ты же не хочешь ещё больше расстроить своего хозяина? — он провел линию по моей здоровой щеке, повторяя очертания шрама, который он поставил ранее. — Так лучше. Ты – лучший из моих шедевров.

Я смотрю ему в глаза, чувствуя, как этот человек уничтожает во мне последние живые частички. Для него я не больше, чем холст, который он оскверняет своими прикосновениями. Уродует, использует, насилует, зная, что я не буду сопротивляться. Потому что это бессмысленно. Ему ничего не стоит убить меня, но тогда его удовольствие будет слишком коротким. Лука будет растягивать его как можно дольше, высасывая из меня силы по капле, как и кровь, которую он так сильно желает.

Холодная, как у мертвеца ладонь обхватывает мою шею, вынуждая поднять голову. Пальцы касаются точки моего пульса, когда он обдаёт своим дыханием раковину моего уха.

— Тебе лучше не стоит знать, насколько я сейчас голоден. Но при виде тебя, полностью покрытой кровью, я не могу удержаться, Эмма. Твоя плоть... мммм... это мой самый сильный соблазн, — его зубы касаются моей кожи, но не настолько сильно, чтобы причинить боль. Он словно осматривает территорию, выискивая лучшее место для метки.

Я сглатываю, готовясь к новой волне боли. Нужно вытерпеть его пытки, чтобы появилась хоть какая-то возможность на спасение. Хотя что-то, единственный проблеск его слабости, который даст мне надежду на свободу. Но есть ли у такого, как Морсбрингер слабости? Этот человек вырезает души, сжигает со свету врагов и никогда, никогда не знал пощады. Он просто не знает такого слова, будто он робот, запрограммированный на вечное кровопролитие и смерть. Что его сподвигло стать таким? Или он изначально родился с психологическим расстройством... Я много читала, что предрасположенность к жестокости может передаваться генетически, которая усугублялась при определенной детской травме, ещё больше повлиявшей на разум будущего маньяка. Возможно, в его случае всё так и было, но сейчас это не имеет никакого значения.

Мокрый язык начал очерчивать пульсирующую венку на моей шее, заставляя меня дёрнуться от этого невыносимого ощущения. Это мерзко, отвратительно, вызывающе. Он как врач, готовивший место для укола, только вместо иглы будут его зубы.

Я застыла, превратившись в ледяную статую. Дыхание застряло в горле, где пульсировало под прикосновением его языка. Каждая клетка моего тела кричала, протестовала, пыталась вырваться, но была скована цепями и этой всепоглощающей, леденящей тишиной внутри. Я смотрела в стену напротив, в те самые кровавые слова: "I'll devour you".

«Я поглощу тебя». Не убью. Не сломаю. Поглочу.

Это был не просто поцелуй вампира. Это был ритуал. Заявление о праве собственности на самую суть жизни — на кровь, на плоть, на последний вздох.

Его зубы снова коснулись кожи. Сначала легко, почти ласково, пробуя на прочность. Потом давление усилилось. Стало больно. Острая концентрированная боль, вонзающаяся в самое уязвимое место. Я зажмурилась, впиваясь ногтями в собственные ладони. Терпи. Это только тело. Он не может добраться до того, что внутри. Он не может.

Но он пытался. Через плоть, через боль, через унижение.

Раздался тихий влажный звук. Кожа не выдержала. Боль вспыхнула ярче, горячее, став осязаемой и живой. Я почувствовала, как тепло струится по шее, смешиваясь с холодным потом. Он впился глубже, и его горло издало низкое животное урчание удовлетворения. Он вкушал меня.

Время растянулось, стало вязким и тягучим, как сама кровь на полу. Казалось, это длится вечность. Звон в ушах слился с мерзким звуком его глотательных движений. Мир сузился до этой одной точки — до жгучей боли на шее и до тяжелого дыхания монстра, припавшего к моей ране.

И тут, сквозь пелену боли и отвращения, в голову вползла новая леденящая мысль. Мысль не о сопротивлении, а о наблюдении.

Он был увлечен. Поглощен своим актом. Его глаза были закрыты, пальцы, вцепившиеся в мои волосы, немного ослабли. Он наслаждался. Как животное у кормушки. В этом наслаждении была его уязвимость. Краткая, мимолетная, но настоящая.

Я оставалась неподвижной, позволяя ему пить, но мои глаза, теперь широко открытые, скользили по нему, фиксируя каждую деталь. Напряжённую линию его плеч. Дрожание век. То, как его свободная рука бессознательно сжималась в кулак от удовольствия.

— Пей, ублюдок, — пронеслось у меня в голове с внезапной, острой яростью, уже не панической, а холодной и расчетливой. Пей. Запомни этот вкус. Потому что он станет для тебя последним.

Наконец, он оторвался. Громко, смачно чмокнув. Его губы и подбородок были залиты алым. Он облизнулся, медленно, смакуя, и его единственный живой глаз блеснул в полумраке комнаты диким, нечеловеческим светом. В этом взгляде не было ничего человеческого. Только голод. Бесконечный, ненасытный голод.

— Восхитительно, — прошептал он хрипло, проводя большим пальцем по моей ране, собирая остатки крови и размазывая их по моим губам. Металлический вкус заполнил рот. — Ты... особенная, Эмма. Обычная кровь... она пустая. А твоя... в ней есть страх. Настоящий, выдержанный, как дорогое вино. И что-то ещё... упрямство? Надежда? Да, именно. Ты всё ещё надеешься. Это придает пикантности.

Он отступил на шаг, разглядывая меня, как гурман после изысканной трапезы. Его рука потянулась к внутреннему карману пиджака. Я замерла, ожидая ножа, иглы, чего угодно.

Но он вынул шелковый белоснежный носовой платок. Неспешно, с преувеличенной элегантностью, он вытер им губы и подбородок, затем свернул его, пряча окровавленную сторону внутрь, и аккуратно убрал обратно.

— На сегодня хватит, — заявил он, и его голос снова стал светским, почти любезным. Этот контраст был страшнее любой ярости. — Нужно дать тебе время... восстановиться. Завтра у нас будет особый день. Я принесу кое-что... освежающее.

Он повернулся и пошел к двери, его лаковые туфли хлюпали по липкому, уже темнеющему полу. На пороге он обернулся, достав телефон и сделав снимок. Вспышка на мгновение ослепила.

— И, Эмма... — его взгляд упал на стену с посланием, — не стирай мой автограф. Пусть напоминает.

Дверь захлопнулась. Я осталась одна, прикованная к батарее, с пульсирующей раной на шее, в комнате, которая пахла бойней и отчаянием.

Я медленно опустила голову. Дрожь, которую я сдерживала, вырвалась наружу, сотрясая всё тело. Слезы текли по лицу, смешиваясь с кровью на губах. От боли. От унижения. От страха.

Но сквозь этот хаос чувств пробивалась та самая, новая мысль. Твердая, как алмаз, родившаяся в самом пекле унижения.

Он голоден. По мне. По моему страху. По моей «надежде».

Это был его двигатель. Его слабость. Он не мог устоять. Он должен был вкусить, должен был доказать свое превосходство, должен был насладиться процессом уничтожения.

И пока он был занят этим... он терял бдительность. Ненадолго. На мгновение. Но этого могло быть достаточно.

Я подняла голову и посмотрела на свои руки, все еще стиснутые в оковах. На запястьях были ссадины, кожа воспалилась и кровоточила. *Кровоточила.*

Я посмотрела на ржавую батарею, к которой была прикована. На острые отколовшиеся края металла.

Потом на кровавые разводы на полу. Вспомнила платок, который он так бережно убрал. Его безразличность к грязи и любовь к театральности.

План, смутный и отчаянный, начал формироваться в моей разбитой голове. Не план побега. Побег был невозможен. План возмездия. Маленького. Ничтожного. Но моего.

Он хотел сломать меня, чтобы потом поглотить. Что ж.

Пожалуй, перед тем, как сломаться, стоит хорошенько подавиться.

— Ну что, успела соскучиться? — его резкий голос прорезал слух спустя всего несколько минут после его ухода.

Я наблюдаю, как в дверном проёме появляется его фигура. Что происходит? Ему не хватило того, что он сделал со мной сегодня? Моя спина вжимается в стену, костяшки пальцев белеют от напряжения, когда я снова встречаюсь взглядом с его мёртвым глазом.

— Забыл сказать, завтра ты едешь со мной на одну встречу. Хочу, чтобы все увидели мой новый трофей, и только попробуй совершить какую-нибудь глупость. Я тебя со свету сживу. — Голос понизился на несколько тонов, делая его более угрожающим, но безумная улыбка на его лице неизменна.

Сердце забило быстрее, уже представляя эту "встречу". Сомневаюсь, что там будут люди, которые любят мило беседовать и гонять чай. Но всё же подаю голос, пытаюсь прояснить ситуацию.

— Ты же обещал принести кое-что "освежающее", передумал?

На его лице проскальзывает игривая нотка. Развлекается убудок.

— Это будет моим подарком, если ты не сорвешь завтрашнюю встречу, крошка.

— Но я даже ходить не могу! Твой врач нихрена мне не помог, а ты меня калечишь всё сильнее с каждым днём! — я повышаю голос, чувствуя, как раны снова заныли. Как он себе это представляет? Понесёт меня на руках?

Только через мой труп.

— Джеффри не совсем медик, милая. В его работу входит разделка трупов, но раны зашивать он тоже умеет. Он тебя навестит с минуты на минуту, не переживай, я скажу, чтобы он был с тобой по нежнее. А завтра тебе особо не придётся ходить, сама всё увидишь.

Дверь захлопывается, и я снова остаюсь одна с этой информацией. Куда он меня поведёт? Кто там будет? Что вообще будет происходить? Вопросов слишком много, но ответов нет. Может, это будет мой шанс на спасение?

Но мои мысли прерывает вновь открывшаяся дверь, когда в помещение входит высокий поседевший, но хорошо сложенный мужчина с голубыми глазами. Джеффри.

— Ну привет, сучка.

Передышки не будет. Мои надежды на хотя бы маленький отдых от боли рушатся, стоит мне увидеть этого мясника, не знающего слова анестезия.

Боль никогда не закончится, Эмма.

Боль. Никогда. Не. Закончится.

ГЛАВА 5. КРИСТОФЕР

Хруст костей под моей хваткой, хлюпанье плоти под пальцами, истошные крики, режущие слух — всё это приносит мне огромное удовольствие, даже почти состояние экстаза, когда я представляю, что вместо этих грязных извращенцев я потрошу Луку Морсбрингера и его приспешников. Когда я выкалываю глаза — представляю, что это его глаза, когда отрезаю гени- талии — представляю, что оскোпляю его, когда отрезаю голову — больше всего жажду, что в скором времени это будет башка Морсбрингера, которую я разделаю и сожгу в его же потрохах. В порыве ярости я чуть не грохнул Кайла, стоило мне вернуться из того проклятого морга. Та девушка... Она не Эмма, но похожа на неё. Этого достаточно, чтобы я потерял контроль. Он убивает невинных, режет и насилует девушек, как свиней, только для того, чтобы воздействовать на меня. Сколько он уже убил, а сколько убьет, сколько невинных душ держит взаперти... И одна из этих душ — Эмма. Он не убьёт её сейчас, но он сделает всё, чтобы она сама этого захотела. Я знаю этого человека, знаю его наклонности, его сущность, его способность рушить жизни и высасывать из человека всё, что только можно, начиная с желания жить и заканчивая человечностью. На его руках столько крови, что ей можно было бы заполнить целый континент. Он убивает с детства, с каждым разом совершенствуя свои извращённые навыки. Никто не знает, что стало рычагом его мании к крови, но каждый знает, что остановить его может только смерть. Одна только мысль, что Эмма всё это время находится наедине с этим чудовищем, пробуждает во мне то, что я подавлял годами. Ту самую жажду, которую я учился сдерживать, ту жестокость, которую я надеялся уничтожить в себе, тот самый гнев, который заставил меня убить собственного отца. Всё покатилося прахом, и теперь я стою здесь и смотрю на четыре бездушных тела у моих ног.

По моей груди стекала смесь пота и чужой крови, кроссовки окрасились в грязно-алый цвет, когда я потрошил этих ублюдков. Четыре мужика, которых я застал в одном из подполь- ных казино за надруганием над ре... Черт! Одно только воспоминание этой картины вызывает желание в очередной раз воткнуть в их туши нож. Мне хватило пары минут, чтобы ликвидировать этих ублюдков. Даже жаль, что их пытки продолжались лишь 32 часа, такие должны мучиться вечно, как и Морсбрингер.

Топор в моей руке сжат в тиски, желая пройтись по телам с удвоенной в разы силой, но толку от этого теперь никакого. Они сдохли, а рубить бездыханные и не кричащие трупы уже не так интересно, да и времени сейчас на это нет, основную часть пыток я повесил на русских, они мастера в этом деле и к педофилам относятся как подобает нормальному человеку. Себе же я оставил лишь самое сладкое, у меня есть дело намного важнее, чем разделка мусора.

Кайл и его ребята прошерстили весь морг, каждая улика была отправлена на экспертизу, и выяснилось много зацепок. Кровь на стенах настоящая, но это смесь разных групп, значит, кровь разных людей. Убитая девушка оказалась дочерью одного из дипломатов русского посольства Великобритании, что стало ударом и для наших русских друзей. Мы живем в гнилом мире, где в каждой стране есть предатель, где люди ради денег готовы продать свою семью. Взять того же Марка Осборна, он лишь мелкая сошка в этой бесконечной паутине, но делал свою работу мастерски. За счёт своих финансовых возможностей и сексуальных желаний выуживал информацию для своего хозяина, как послушная псина. Эта информация питала Морсбрингера новыми планами, давая ему уверенность, что куча людей в правительстве любят грязные развлечения и деньги. Именно через Осборна Лука добыл целую коллекцию компромата на вышку нашего общества, которая загубит их карьеру к чертям, если он её вскроет. Поэтому Морсбрингеру открыты все двери. Он правит нашей страной, дёргая за ниточки, как кукловод, имея давление даже на королевскую семью. Только вот его шавка слишком заигралась в соб-

ственную власть и поверила в себя, думая, что сможет обыграть своего хозяина, но не тут то было. Осборна всё равно ждёт смерть, долго он не проживёт с таким количеством врагов.

Топор вонзается в черепушку одного из лежащих передо мной трупов, раскалывая череп пополам. Кровь брызжет мне в лицо, но я лишь облизываю губы, слыша звук открывающейся двери. В пыточную заходит Кайл, морщась от металлического запаха и кровавой сцены перед ним.

— Чёрт, Блэк... Ну ты и мясник, — закашлявшись, говорит он.

Я вынимаю топор из черепушки рыжеволосого ублюдка и поворачиваюсь к другу. По его растрепанным волосам и учащенному дыханию можно понять, что он явно торопился, идя сюда. Что-то случилось.

— Что у тебя? — отбрасывая в сторону топор, говорю я и провожу рукой по мокрым от пота волосам.

— У Кларк случилась истерика, она проникла к камере её бывшего кавалера и пыталась выцарапать ему глаза.

Я резко разворачиваю шею, чувствуя, как от этого движения прохрустели позвонки. Я уже сам готов выколоть всем присутствующим в этом чёртовом здании глаза, ради всего святого.

— Какого хрена вы оставили её одну?! — рявкаю я, накидывая наспех рубашку и вылетая из двери.

— Она сказала, что просто сходит в туалет, но сбежала! Сейчас она уже в своей комнате под наблюдением, рядом с ней Антонио, — кричит Кайл, бежа за мной. — У нас слишком много людей, за которыми надо следить, Крис. Пойми, мы не железные. Наша база превратилась в кровавое месиво и психушку, за которую несу ответственность я! Да я сам скоро здесь с ума сойду!! — он повышает тон, заставляя меня остановиться. Я медленно оборачиваюсь, встречаясь с уставшими и подавленными глазами друга.

— Ты думаешь, что тебе одному сложно?! Ты хоть представляешь, что я вижу каждый день, пока ты сидишь за своими компьютерами? Любовь всей моей жизни похитил этот урод, я каждый день вижу, как этот сброд гнилых отбросов надругается над детьми, как мучает женщин, и для них это лишь не больше, чем удовольствие и развлечение! Я каждый день живу с мыслью, что Эмма находится с этим монстром, и только одному Богу известно, что Лука с ней делает, пока мы тут не можем напасть на его след и живём припеваючи в окружении психов!

Кайл застывает, смотря на меня с немым ужасом, но спустя мгновение роняет голову, зажимая переносицу. Я не дожидаясь ответа и направляюсь к Алис, ощущая разливающийся по моим венам гнев. Сколько бы я не пытался прогнать из головы эти ужасные мысли, которые крутятся постоянно, всё катится к чертям. Вина грызёт меня изнутри все эти недели, если бы я не дал ей тогда вырваться, держал бы крепче, если бы я...

Встряхнув головой, я зажимаю руки в кулаки, не давая выйти эмоциям наружу. Сейчас не время расслабляться.

Даже за закрытой дверью я слышу тихий плач Алис. Сразу после произошедшего в отеле мы разместили её у нас, в том числе и её уже бывшего парня Джереми, который оказался предателем. Ей очень тяжело, но она держится несмотря на периодические срывы, такие как сегодняшний. Открыв дверь, я встречаюсь взглядом с её голубыми заплаканными глазами. Она сидит на своей койке, поджав к груди колени. Увидев меня, она резко встаёт и бежит ко мне, хватая меня за рубашку.

— Крис... Ты нашёл её? Скажи, что ты нашёл её... Прошу тебя, Крис... — прерывисто щебечет она, захлёбываясь слезами. — Это всё из-за меня... Она мне сразу говорила, что Джереми подонок... А я не верила... если бы я её слушала... она бы была сейчас здесь... в безопасности... — её пальцы сжимают мою рубашку, когда она роняет голову мне на грудь. Всё тело дрожит как осиновый лист, и моё сердце непроизвольно сжимается.

Алис очень дорожит Эммой, как и я. Каждый день она винит себя в её похищении и почти не ест. Джереми оказался посыльным Морсбрингера, который изначально втёрся ей в доверие, чтобы быть поближе к Эмме. Лука продумал всё до мелочей и одним ударом сломал несколько наших людей, зная, что каждый из нас будет драть с головы волосы, вылезать из кожи вон, чтобы сделать хоть что-то ради спасения Эммы. Предательство со стороны Рика — удар для меня, предательство со стороны Джереми — пуля в сердце для Алис, Кайлу приносит боль наблюдение за всеобщим страданием своих людей и близких ему друзей, поэтому он тоже начал сдавать позиции. Чёрт, он даже русских смог выбить из колеи. Морсбрингер играет с нами, с нашими чувствами, эмоциями. И наслаждается этим. Ведёт нас по ниточке, срывая одного за другим.

Мои руки касаются плеч Алис, чтобы заглянуть ей в глаза. Она всхлипывает, лицо покраснело от бесконечных слёз, но она находит в себе силы посмотреть на меня.

— Ты ни в чём не виновата, Алис. Ты не могла знать, что Джереми посланник Луки. Но не волнуйся, они все получают по заслугам, я не дам им остаться в живых, — пальцы чуть сжимаются на её плечах, пока я наблюдаю, как она поспешно вытирает слёзы. — Но прошу, больше не делай глупости. Если ты хочешь мне помочь, то делай то, что я говорю. Мы не поможем Эмме, если будем действовать безрассудно, понимаешь?

Она смотрит на меня таким взглядом, словно новых слёз не избежать, но сдерживается.

— Он сказал тебе что-нибудь? Вы разговаривали? — аккуратно спросил я.

— Он... сказал... Что никогда не любил меня и... был рядом только для того, чтобы Лука мог совершить свой план. И... и... — она всхлипнула, поднеся тыльную сторону ладони к носу, — что Эмма будет мучиться до конца своих дней, даже когда Лука возьмёт её отца.

Моё тело дёрнулось от услышанных слов. "Эмма будет мучиться до конца своих дней". Моя хватка на плечах девушки усиливается, заставляя её зашипеть. Услышав её болезненный вздох, я отрываю от неё руки, прошептав тихое "Прости" и кричу во весь голос.

— Кайл! Тащи свою задницу сюда и не смей оставлять Лис ни на секунду, иначе я тебе самолично голову оторву!!

Лис смотрит на меня испуганно, делая шаг назад. Для неё всё происходящее пытка. Обычный человек, который не знал ничего плохого в жизни, в один момент оказывается в плену у психопата-каннибала, управляющего всей Англией, и узнает, что самая близкая подруга всё это время встречалась с наёмным киллером. Ну и вишенкой на торте является то, что она сейчас находится в нашем затхлом месте, где каждый день происходят пытки и расчленение людей. Я не виню её в том, что она боится меня, она не может мне доверять на сто процентов, но я её единственная надежда на то, что Эмма вернётся домой. У неё просто нет выбора.

— Не волнуйся, тебя никто не тронет, просто проследят за тобой, чтобы ты не сделала себе хуже, хорошо?

Ей понадобилось несколько секунд, чтобы неуверенно кивнуть.

— А где Антонио?

Она шмыгнула носом.

— Сказал, что пошел к одному из пациентов и скоро вернётся.

— Хорошо, посиди здесь.

Кайл забежал в комнату, и я направился в наш подвал, где и находятся камеры с нашими заключёнными. Кайл и его люди позаботились об обустройстве этого места, теперь у нас есть множество комнат для выудки информации и пролития крови.

Спустившись по лестнице, я осматриваю коридор. Раньше здесь были обычные квартиры, но с недавнего времени каждая комната стала наполнена кровью, истошными криками и людьми, которые однозначно имеют большой вес в нашем деле. В одной из этих камер сидит Джереми, с ним я и собираюсь побеседовать.

Мои шаги отдаются эхом от стен, пока я ищу подходящую дверь, но на миг останавливаюсь, когда слышу крик, который каждый раз заставляет мое сердце разрываться. Рик.

Его ломки с каждым днём становятся всё сильнее, Антонио постоянно следит за ним, накачивает лекарствами и успокоительными, но, похоже, это не сильно помогает. Я видел, как его тело скручивает от судорог, как изо рта льётся слюна, а его жажда покончить с жизнью с каждым разом становится всё сильнее. Сколько бы я не пытался, не могу на это смотреть. Я сам истязая людей, слышу их мольбы и болезненные хрипы, но мучения Рика мне не под силу. Он предал меня, два раза предал. Но даже это не даёт мне сил, чтобы обращаться с ним так, как он того заслужил. Избить — это всё, на что я способен по отношению к нему.

Стиснув зубы, я делаю шаг вперед, желая поскорее уйти от желания ворваться к нему и... Да к чёрту.

Найдя нужную железную дверь с пометкой "Д", я открываю её без стука. Джереми сидит на полу, прикованный двумя цепями к стенам. Голова наклонена вперед, на теле многочисленные раны от плетки, которой я избивал его, пытаюсь выдавить из него хоть одно слово, но он молчал как рыба. Он не двигается ни на дюйм, даже когда я подошёл к нему вплотную. Из него не вышло ни звука, пока я его избивал, он не проронил ни слова, когда русские вкалывали ему конные дозы специальных препаратов, вызывающих волны дикой боли в теле. Он заговорил только с Алис, что вызвало у меня некую догадку.

— Как тебе условия, Джереми? Всё нравится? — я присаживаюсь перед ним на корточки, желая посмотреть ему в глаза, но он не поднимает голову. Молчит, как и всегда. Остался таким же нахальным уёбком, как в вечер Рождества. — Молчание – знак согласия. Я уже понял, что просто так из тебя информацию не вытащить, и избивать я тебя могу целыми днями, потому что тебя не пугает даже смерть. Ты всё равно умрешь, как и все остальные твои дружки, в том числе и твой хозяин, ты прекрасно это знаешь, но... — сделав небольшую паузу, я беру его за волосы и поднимаю голову, встречаясь с его смазливой физиономией. — Алис ещё можно спасти, но сейчас ты делаешь всё, что может ускорить её кончину.

Я вижу, как его до этого совершенно без эмоциональные глаза наполняются ноткой страха. Вот оно. Рычаг, который идеально подошёл для нашего малыша Джереми. Сколько бы он не отказывался от своих чувств, глаза никогда не врут. Он полюбил Лис, и это его главная ошибка.

— Ты ничего ей не сделаешь, твоя подружка тебе этого не простит, — хрипит он сквозь стиснутые зубы, струйка засохшей крови окрашивает его бровь.

— Поверь, дружок, мне плевать на чью либо безопасность, кроме безопасности Эммы. Если Алис придётся убить, я сделаю это, не моргнув глазом. Остальные проблемы я решу по мере их поступления.

Он наконец дергается, поддаваясь вперед и желая достать меня, но цепи на его руках удерживают его.

— Я убью тебя, Блэк. Ты уже ничего не изменишь! Морсбрингер уже сделал то, что хотел. Ты не сможешь вернуть Грей, потому что он пометил её всеми возможными способами, сомневаюсь, что ты примешь её такой, какая она сейчас!

В то же мгновение его голова отлетает в сторону, когда я со всей дури ударяю его в челюсть, из его горла вырывается глухой крик, но это не мешает ему разразиться смехом. Я беру его за грудки и трясусь, ощущая, что готов вырвать этому подонку глотку прямо сейчас.

— Что он с ней сделал, ублюдок?! Говори, иначе я тебя прикончу прямо сейчас!!! — кричу я, не замечая, что мой голос превратился в рычание обезумевшего зверя.

— О, Блэк... Много всего. Каждая пытка расписана по часам, и я знаю всё, что переживает сейчас твоя ненаглядная Грей, — смеётся он, встречаясь со мной безумным взглядом. Из губы пошла кровь. — Он скоро отправит тебе фотографии, не переживай. Но тебе стоит знать, что на её теле уже не осталось ни одного живого места.

Зрение затуманилось, сменяясь красным полотном. Мышцы начали сокращаться, прокатывая по телу безудержную дрожь. Эти... Эти...ублюдки...

Зверь сорвался с цепи, теперь каждый удар наносился безжалостно, создавая из лица этого белобрысого идиота неразборчивую кашу. В глазах рябили картинки покалеченной Эммы, мой мозг проигрывал все ужасы, которые приходили в мой разум. Здесь у неё нет руки, тут он ей перерезал глотку, потом начал насиловать и трепать её тело, как куклу. Её безумные крики резали слух, заставляя меня закричать самого.

— Помоги, Крис! Мне больно!!! Пожалуйста, спаси меня! Ты обещал! Обещал!!!

— Эмма!

Не спас свою принцессу, Блэк. Не спас. Что ты будешь делать, если она умрёт? Да ты сдохнешь сразу, как только она испустит последний вздох, не так ли? Ты и секунды без неё не проживёшь. Как там говорил Рик? Ах да... Такие сказки всегда заканчиваются плачевно. Кровь уже пролилась, доведет ли она до смерти? Обязательно доведет, только кто умрёт первым... Ответ мы скоро узнаем.

— НЕТ!

Кулак снова врезается в уже заплывшее лицо Джереми, когда мои ноги подкашиваются. Я падаю, тяжело дыша и пытаюсь прогнать этот постоянный поток кошмаров. Парень больше не двигался, потеряв сознание. Я смотрю на его обмякшее тело, но вижу в нём совсем не бывшего Алис. Я вижу Морсбрингера. Вижу, как он поднимает голову, встречаясь со мной взглядом. Его мёртвый глаз, залитый белой пеленой, слегка двигается, будто всё ещё сохранил свои биологические функции. Кровавая хищная ухмылка окрашивает его лицо, когда сквозь мертвую тишину камеры прорывается голос.

— Игра началась, Блэк. Следующий ход за тобой, но успеешь ли ты его сделать? Сомневаюсь... Ад никогда не ждёт. Он уже здесь.

— Ты...

Я бросаюсь вперед, но чувствую, как меня хватают чьи-то руки, удерживая на месте.

— Крис! Смотри на меня, смотри на меня! Это я. Антонио, — он присаживается передо мной и держит за плечи. — Дыши.

Зрение начало восстанавливаться, и я увидел, что Антонио на самом деле сидит передо мной.

Мой взгляд сфокусировался на его лице — напряжённом, обеспокоенном, но живом и настоящем. Джереми без сознания висел на цепях. Фантома Морсбрингера не было. Был только запах крови, пота и страха.

Я отшатнулся, вырвался из его хватки и встал, опираясь на стену. Дыхание всё ещё было рваным, в ушах гудело.

— Что случилось? — спросил Антонио тихо, его взгляд скользнул по искаженному лицу Джереми, потом вернулся ко мне. В его глазах я читал диагноз, который он не решался озвучить: острая психотическая реакция на фоне истощения и стресса.

— Он... — я кивнул в сторону Джереми, с трудом выговаривая слова. — Он сказал... что от Морсбрингера скоро придут фотографии. Что с ней... что с ней уже всё...

Голос сорвался. Я сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Эта боль была якорем. Единственным, что удерживало меня в реальности.

Антонио молча встал, достал из кармана халата шприц с прозрачной жидкостью.

— Это лёгкий седатив. Он не усыпит, но снимет остроту. Тебе нужно, Крис. Иначе после следующего такого приступа ты можешь попытаться убить по-настоящему. И это будет не предатель.

Я не сопротивлялся. Ощущение ледяной струи под кожей было почти облегчением. Напряжение в висках чуть ослабло, бешеная скачка мыслей замедлилась, превратившись в тягучий холодный поток.

— Он нашёл мою слабость, — сказал я, глядя в пустоту перед собой. Голос звучал ровнее, но пусто. — Играет на ней. Сначала Рик. Потом эта девушка в морге. Теперь... угрозы фотографиями. Он не просто мучает её. Он мучает меня. Через неё. И я... — я закусил губу, — я ничего не могу сделать. Сiju здесь и режу говно, которое ему даже не жалко.

— Ты делаешь то, что можешь, — твёрдо сказал Антонио. — Ты выбиваешь информацию. Ищешь зацепки. Уничтожаешь его периферию. Это не «ничего». Это тактика.

— Тактика для крысы в лабиринте! — я ударил кулаком по стене, но уже без прежней ярости, больше от бессилия. — Он держит ниточку. И дёргает.

Дверь камеры снова открылась. На пороге стоял Андрапов. Он бросил взгляд на Джереми, на меня, на Антонио с пустым шприцем в руке. Его лицо стало каменным.

— Что? — коротко спросил он.

— Джереми сказал, что от Луки скоро будут «фотографии» Эммы, — ответил за меня Антонио. — И намекнул, что состояние у неё... критическое.

Андрапов замер. По его сжатым челюстям было видно, как внутри него что-то ломается — последние остатки надежды на то, что у нас есть время.

— Я займусь им, — тихо сказал он, кивая на Джереми. — По-новому. Есть... методы. Которые не оставляют следов на теле, но ломают волю. Мои методы.

Я кивнул. Мне было всё равно. Пусть он делает, что хочет.

— Мы сможем вычислить его по номеру? — спросил я. — Если он их пришлёт... мне?

— Сомневаюсь, насколько я знаю, до этого он использовал одноразовые номера, — предположил Даниил. — Мы можем, конечно, попробовать словить его, но вероятность успеха минимальная.

Представление об этом было хуже любого кошмара. Видеть её... сломанную, испачканную, в агонии. Видеть доказательство своего провала в высоком разрешении.

— Когда они придут... Если они придут кому-то из вас, — мой голос был тихим, но в нём зазвучала та самая леденящая сталь, которая родилась в морге. — Не скрывайте их от меня. Не пытайтесь оградить. Мне нужно это видеть.

— Крис... — начал Антонио, но я его перебил.

— Мне нужно это видеть. Каждая рана. Каждый след. Всё. Потому что каждая новая отметина на её теле — это ещё один счёт, который я предъявляю ему. И я буду помнить их все. До последней царапины. Когда я найду его, я воспроизведу на нём каждую, только в разы хуже.

В комнате повисла тишина. Даже русский смотрел на меня с отстранённым, почти пугающим пониманием. Он видел, что та граница, за которую я боялся зайти всю жизнь, осталась далеко позади. Я уже пересёк её.

— Хорошо, — наконец сказал Даниил. — Когда придут, всё будет передано тебе. А пока... Мои парни принесли кое-что с того склада у доков. То, что мы пропустили. Что-то вроде послания, но я не уверен, относится ли это как-то к делу.

Я поднял голову.

— Что?

— Старую пожелтевшую бумагу. Лежала в конверте, приклеенном под столом. На ней... детский рисунок. Медведь, звёзды, луна... и три фигурки. Один взрослый, вроде женщина, один ребёнок, другой мы не смогли разобрать. И подпись.

Мне не нужно было спрашивать, какая подпись. Я знал. Я видел этот рисунок в кошмарах с семи лет.

«Криси». Детским, корявым почерком.

Они не могли найти оригинал, это невозможно. Значит, Лука... он нашёл копию? Или заставил кого-то воспроизвести? Неважно. Он добрался до самых корней моей боли, словно показывая, что может дотронуться до самого сокровенного.

Он не просто играл на моей любви к Эмме. Он копал глубже. Добрался до той первой, незаживающей раны. До мамы. До того мальчика в комнате с разбитым карандашом.

Я медленно выпрямился. Седатив притупил панику, но не тронул холодный бездонный гнев в самом ядре. Он, наоборот, стал ещё чище, ещё острее.

— Покажи, — сказал я ему.

Он молча вытащил из внутреннего кармана фотографию, видимо, уже сняли копию с находки. Я взял её.

Да. Тот самый рисунок. Только на месте отца — чёрная размазанная клякса. А на обратной стороне, взрослым, чётким, насмешливым почерком было выведено:

«ВСЕ КОЛЫБЕЛЬНЫЕ КОНЧАЮТСЯ КРИКОМ.

ЖДУ ТВОЕГО. СКОРО.»

Я сложил фотографию пополам, аккуратно, ровно по линии, отделявшей детскую мечту от взрослого кошмара, и сунул её в карман, прямо у сердца.

— Он торопится, — констатировал я, и в моём голосе не было ни страха, ни отчаяния. Только холодная констатация факта. — Значит, мы на правильном пути. Значит, он почувал угрозу. Или... ему становится скучно. Он хочет ускорить развязку.

Я посмотрел на Андрапова, потом на Антонио.

— Лекарство, которое ты мне вколол... Дай мне запас. На неделю. И то, что поможет не спать, когда будет нужно.

— Крис, это...

— Дай. Я не собираюсь сходить с ума, мне нужно успеть. Пока он не прислал те фотографии. Пока он не решил, что «скоро» — это сейчас.

Я вышел из камеры, оставив за спиной Антонио с его шприцами и Андрапова с его бездыханной добычей. В кармане у меня лежало детское привидение и взрослая угроза. А в груди стучал тихий, неумолимый счётчик, отсчитывающий время до того момента, когда я смогу предъявить Луке Морсбрингеру весь этот счёт.

Он думал, что, трогая моё прошлое, он меня сломает.

Он не понимал, что просто дал мне ещё одно лезвие.

И когда время «скоро» настанет, я погружу его ему в самое сердце его же игры.

Ноги сами привели меня туда, где я хотел находиться меньше всего. Камера Рика.

Крики прекратились, значит, он наверняка спит. Возможно, я допускаю большую ошибку, входя туда, но меня не отпускает чувство того, что если я не зайду сейчас, то не смогу этого сделать... позже. Пусть это не принесёт никакой пользы для дела, но мне важно увидеть его, увидеть то, во что он превратился, связавшись с чудовищем.

Камера была окинута мраком, запахом пота и медикаментов. Для Рика Кайл сделал особые условия, не оставив ни одной твёрдой поверхности. Помещение больше похоже на камеру психушки для особо сложных пациентов, но мы это сделали, чтобы Рик не смог себе навредить. В состоянии сильной ломки человек готов пойти на что угодно, лишь бы закончить свои страдания, даже самостоятельно расколоть себе черепушку о бетонную стену.

Первые дни проходили особенно тяжело. Рик терял контроль, бросался на всех, кого видел поблизости, рвал на себе волосы и падал в судорогах, не в силах перенести эту агонию. Благодаря Антонио его состояние улучшается, но слишком медленно. По анализам выявили, что вещества, которыми Морсбрингер накачивал Рика, оказались слишком сильными, и прогнозы его восстановления не совсем утешительные. Ломки будут продолжаться ещё около двух недель. Для нас — это обычные четырнадцать дней, а для него — это сравнимо с месяцами мучений.

Он лежит неподвижно лицом к стене, я вижу лишь его скрюченную спину. Когда-то всегда хорошо уложенные русые волосы превратились в спутанные колтуны, тело покрылось множеством пятен и истощилось до видимости костей. Я не узнаю его. Это не тот Рик, которого я знал, который был рядом со мной в самые тяжелые моменты, который спасал меня из любой задницы. Теперь это полутруп, готовый пойти на всё, лишь бы улучшить своё поганое состояние.

Я присел перед ним на корточки, желая посмотреть на лицо. Моя рука коснулась его плеча.

— Рик?

Ответа нет.

Аккуратно перевернув его на спину, я застыл, вглядываясь в черты. Щёки впали, обнажая острые скулы, круги под глазами приняли почти чёрный цвет, придавая ему вид живого мертвеца. Губы потрескались до многочисленных ран и стали бледными до ужаса. Дыхание едва уловимо, что вызывает у меня настороженность. Я видел наркоманов, но они выглядели в разы лучше, чем человек, лежащий передо мной. Удивительно, что всего пару месяцев назад он стоял рядом со мной и рассказывал всякие шутки, которые никогда не были смешными, но всё равно особенными.

Я уронил голову, проводя рукой по лицу. Один человек... Всего один человек смог разрушить жизни сотни, а может и миллионов людей. Одним ударом он лишил меня всего. Семьи, контроля, друга, любви... Лишил всего, оставив меня в гуще собственной вины и демонов. И ему это сходит с рук, всегда сходило. Люди бояться тех, кому не страшна смерть, кто наоборот питается ею, и поэтому делают всё, чтобы потакать таким.

— К... Крис... — хриплый надрывный шепот донёсся до моих ушей, заставляя поднять голову.

Рик очнулся, медленно открыв глаза. Белки приняли красный цвет, сосуды в них полопались, придавая вид взгляда, налитого кровью. Он попытался подняться, но я остановил его, положив руку на плечо.

— Не надо, не двигайся, — мой голос на удивление был ровным, но я чувствовал, как внутри меня всё рвется на куски.

Его глаза моментально наполняются слезами, когда он цепляется мёртвой хваткой в мою руку. Зрачки расширяются, словно перед ним стою не я, а тот, кто превратил его в это. На мгновение в мозг приходит мысль, что он начнёт меня умолять о дозе, но то, что я услышал, заставило моё сердце разбиться вдребезги.

— Крис... Прошу, прости меня! Я умоляю тебя, прости! Я... Я не хотел этого... поверь... Я лучше бы сдох, чем служил этому уёбку! Хочешь... убей меня! Убей! Я заслужил это! — он кричал, дёргая меня за руку и пытаясь зацепиться за края моей рубашки. — Я не хочу быть гнусным предателем, Крис... Если я умру от твоей руки — это будет правильно. Прошу... Просто сделай это...

— Хватит! — рявкнул я, отбрасывая его руки. Боль в груди становилась всё сильнее. — Ты сам довёл себя до этого, Рик. Тебе с этим и жить. Ты сделал свой выбор, — слова выходили с трудом, но я не могу сломаться.

Рик всхлипнул, наблюдая, как я встаю. Он попытался подползти ко мне, встать, но тело не слушалось, всё еще слишком слабое для того, чтобы выполнять самые обычные функции.

— Не уходи, Крис... Умоляю... Я не могу больше этого выносить, мне чертовски больно! Я не могу больше находиться в одиночестве... Не могу!

Я уже направился к двери, желая поскорее уйти отсюда, чтобы не дать слабину, но вдруг останавливаюсь. Пора ему сказать то, что нужно было сказать с самого начала.

— Знаешь, почему ты ещё жив, Рик?

Он застыл в недоумении, ожидая продолжения. Даже двигаться перестал, готовясь к удару, который я ему сейчас нанесу.

Выдохнув, я продолжил, стиснув зубы.

— Она спасла тебя... Пожертвовала собой, чтобы вытащить твою тушу из того проклятого отеля. Эмма, которую ты самолично продал Морсбрингеру, — я повернул голову к нему, чтобы встретиться с ним взглядом. Его лицо побледнело ещё больше, а глаза наполнились ужасом осознания. — Теперь она в его руках. Из-за тебя. Снова.

Я сжал кулаки, пытаюсь совладать с эмоциями, которые с каждым мгновением грозились вырваться наружу.

— И никто не знает, что он с ней делает, — слова выходили тихо, но каждое падало, как камень, в гробницу его надежды. — Он мог бы просто убить её. Но он не убивает. Он ломает. И ты знаешь, как он это делает.

Рик зашелся в сухом, надрывном кашле, словно пытаюсь выплюнуть собственную душу. Слезы текли по его впалым щекам беззвучно.

— И знаешь, почему ты ещё дышишь в этой камере? — Я сделал шаг к нему. — Не потому, что я тебя жалею. Не потому, что мы были друзьями. Ты дышишь, потому что она каждый этот чёртов день, пока ты здесь гниёшь в собственной зависимости, расплачивается за тебя. За твоё спасение. Её болью. Её страхом. Каждой секундой, которую она проводит там, в темноте, с ним.

Я наклонился, чтобы наши глаза были на одном уровне. В его взгляде плескался настоящий, не наркотический ужас. Ужас человека, который наконец понял цену своего поступка.

— Ты хочешь, чтобы я тебя убил? Чтобы стало легче? — Я покачал головой. — Нет, Рик. Смерть — это милость. Это конец. А ты будешь жить. Будешь жить с этим. Каждый раз, когда закроешь глаза, ты будешь видеть не свою ломку. Ты будешь видеть её. Увидишь, во что она превратилась из-за тебя. И ты будешь знать — это лишь намёк. Намёк на то, что он творит с той, кто тебя спасла.

Он завыл. Низко, по-звериному, уткнувшись лицом в липкий пол.

— Я не знал... Клянусь... Он сказал, просто... просто запугать...

— ЗАТКНИСЬ! — рёв вырвался из меня, эхом отразившись от мягких стен. — Не смей оправдываться! Ты видел его вблизи. Ты знал, на что он способен. Ты сделал выбор. И теперь твоё искупление не в смерти. Оно в том, чтобы помочь. Чтобы каждый грамм твоей боли, каждая секунда твоей ломки превратились в ниточку, которая ведёт к нему. Ты будешь вспоминать. Всё. Каждое слово, каждый намёк, каждый адрес, который он упоминал в бреде или в моменты, когда думал, что ты уже его. И ты будешь говорить, пока не станешь абсолютно пустым. Пока от тебя не останется ничего, кроме информации, которая спасёт её.

Я выпрямился, глядя на его содрогающуюся фигуру.

— Это твоя тюрьма, Рик. Не эти стены, не твоя зависимость — совесть. Твоя совесть, Рик. И единственный способ сделать её хоть немного легче — это вытащить её оттуда. Понял меня?

Он не ответил. Только кивнул, уткнувшись лбом в пол, его плечи сотрясались от беззвучных рыданий.

Я развернулся и вышел, захлопнув за собой дверь. В коридоре прислонился к стене, сжав виски. В груди было пусто и холодно. Я только что лишил последней иллюзии человека, который когда-то был мне ближе брата. Превратил его страдания в инструмент.

И не чувствовал ни капли сожаления.

Потому что где-то в другом подвале, в другой темноте, Эмма платила за все наши ошибки куда более страшной валютой. И если для её спасения нужно было раздавить душу предателя — я сделаю это. Не моргнув глазом.

Я уже не был тем Крисом, который пытался сохранить в себе крупички человечности.
Лука выжиг их. Оставил только сталь, ярость и одну-единственную цель.
Выжечь в этом мире каждого, кто встанет у меня на пути. И кто уже встал.

ГЛАВА 6. КРИСТОФЕР

Тик. Так. Тик. Так.

В моей голове идёт отсчёт, который с каждым днём становится всё громче. Отсчёт до точки невозврата.

Лондонский воздух у воды должен быть свежим, чистым, но этот город пропах алчностью и кровью в тот момент, когда на свет появился монстр. Нет ни одного места, где не был бы найден труп, созданный его руками.

Один из них прямо передо мной. Молодая девушка, ещё совсем юная. И снова... копия Эммы. Только этот труп изуродован настолько, что сходство можно определить по оставшимся волосам. Весь слой эпидермиса сморщился настолько сильно, что его без труда можно снять с тела. Она слишком долго пролежала в воде.

— Глубокой ночью её нашли на гранитной набережной рабочие, — голос Кайла звучал приглушённо, словно сквозь вату. Он стоял чуть позади, и я чувствовал, как его взгляд скользит по моей спине, оценивая реакцию. — Упаковка... та же. Отсутствие следов борьбы. Срез... профессиональный.

Я не отвечал. Смотрел на то, что осталось от лица. Кожа, снятая, как перчатка, обнажала то, что не предназначено для чужих глаз. Но даже в этом ужасе он оставил подпись. Законченность. Шрам на щеке, как у него. Сделал демонстрацию своего мастерства. И снова — для меня.

— Отправь на экспертизу. — Сказал я, и мой собственный голос показался мне чужим, плоским.

— Хорошо. Но, Крис... — Кайл сделал паузу. — Полиция уже на взводе. Это второй подобный труп за неделю в этом районе. Они начинают искать закономерность. Начинают искать серийника. Я пытаюсь их придержать, но ты же знаешь, что они как заноза в заднице.

Это было ожидаемо. Лука не просто издевался. Он писал своё имя на карте города всё крупнее и кровавее. Он больше не прятался. Он заявлял о себе. И делал это, используя образ Эммы, как кисть. Каждая новая жертва — новый мазок, новая буква в послании: «Смотри, что я могу сделать. И представляй, что это — она».

— Он нервничает, — тихо сказал я.

— Что?

— Он нервничает. Ускоряется. Раньше между... его представлениями проходили месяцы и даже годы. Теперь... дни. Он хочет, чтобы мы увидели. Чтобы я не успел забыть, не успел перевести дух. Он создаёт ритм. Тик-так.

Я отвернулся от тела, накрытого брезентом. Морозное утро кусало кожу лица, но я не чувствовал холода. Внутри было только это мерное, отстукиваемое сердцем, тик-так.

— Он что, хочет, чтобы мы его поймали? — Кайл недоумённо покачал головой.

— Нет. Он хочет, чтобы мы пришли. На его условиях. В его ловушку. Он создаёт поле. И каждая новая жертва — это флажок, который он втыкает в это поле. Он загоняет нас в угол, с которого есть только один выход — прямо на него.

И самое мерзкое было в том, что это работало. С каждым новым телом петля вины и ярости затягивалась на моей шее туго. Я ловил себя на том, что в моменты тишины начинаю представлять не её спасение, а её... такую, как та девушка, что была в морге, как та, что сейчас лежит передо мной. Холодную, обезображенную, пустую.

Он не просто убивал невинных. Он убивал мою надежду. По кусочкам. И делал это с таким изяществом, что это вызывало почти... уважение. Чудовищное, животное уважение хищника к более опытному хищнику.

— Что делаем? — спросил Кайл. В его голосе сквозил не вопрос, а готовность. Готовность к любому, самому безумному приказу.

Я посмотрел на мутную воду Темзы, на отблески огней города в её тёмной глади. Где-то там, под этой водой или в стенах старого города, он готовил следующий «подарок». Следующий ход.

— Меняем тактику, — сказал я, всё ещё глядя на воду. — Мы больше не ищем его укрытия. Мы ищем поле. Место, где он хочет сыграть решающую партию. Склад у старой электростанции? Доки в Ройал-Виктория? Заброшенную больницу в восточном конце? Всё, что связано с водой, изоляцией и... сценой.

— Сценой?

— Он артист, Кайл. Ему нужны зрители. Или, по крайней мере, доказательство, что зрители видели его работу. Он не станет хоронить свой шедевр там, где его никогда не найдут. Он хочет аплодисментов. Даже если это аплодисменты ужаса.

Я наконец повернулся к нему. В глазах Кайла отразилось понимание, смешанное с ледяным предчувствием.

— Значит, следующий... будет ещё ближе. Ещё заметней.

— Да, — кивнул я. — И нам нужно быть там первыми. Не ждать, пока полиция или, что хуже, пресса, наткнётся на это. Мы должны предугадать его ход. Понять логику его «искусства».

Тик-так.

Время утекало сквозь пальцы, как вода сквозь раны на том теле под брезентом. Но теперь, сквозь рёв ярости, я начал слышать другой звук. Шёпот его безумия. Ритм его игры.

И чтобы выиграть, мне предстояло стать чуть больше, чем монстром. Не просто охотником. Соавтором его кошмара. Понять его настолько, чтобы опередить.

— Собери всё, что есть, — приказал я. — Все места, все жертвы, все детали. Не ищем человека. Ищем почерк. Ищем следующую точку на карте.

Потому что «тик» уже прозвучал.

Осталось дожидаться «так».

И быть готовым встретить этот звук не криком отчаяния, а тишиной перед прыжком.

Я сел в машину, сжимая руль в мёртвой хватке. Первым делом нужно заехать в лабораторию, я должен погрузиться в его искусство. Должен окунуться в него с головой, чтобы понять, как рассуждает конченный психопат с манией величия. Нужно пересилить себя, взглянуть на его творчество, впитать его в себя. Чтобы начать мыслить так, как мыслит он. Асмодей. *Князь похоти.*

Запах медикаментов заполнил ноздри, когда я вошёл в дверь лаборатории. Здесь работали некоторые из знакомых Кайла, кто-то был от Антонио. Все знали своё дело, результаты экспертиз приходили достаточно быстро, давая нам всё больше информации. Повсюду были пробирки, разные жидкости, приборы и другая медицинская всячина. Но меня волновало одно. Тело.

Майкл - главный в этом месте. Он присылает отчеты Кайлу, которые тот передаёт мне. Поздоровавшись с ним, я прохожу к стеклянной автоматической двери., мысленно готовясь к тому, что мне предстоит увидеть. Что придётся пропустить через себя.

Холодильные камеры, яркий свет ламп, режущий зрение, и стол, на котором лежит тело той самой русской девушки. Первый подарок Морсбрингера, выбивший меня из колеи. Пока тело закрыто в трупный мешок, но мне предстоит открыть его своими руками. Взглянуть в глаза смерти, в виде копии своей любви. Очередная пытка, которую мне преподнёс Лука. Он знал, что я начну искать варианты, знал, что начну копать глубже. Но, возможно, надеется, что каждая попытка будет ломать меня всё больше. Не дожждётся. Даже если меня будут рвать на

куски, если будут сжигать заживо всю оставшуюся надежду — я найду её, чего бы мне это не стоило. Пойду на всё. Буквально на всё.

Молния трупного мешка скользнула вниз с тихим, невыносимо бытовым звуком. Как застёжка на старой куртке, как молния на дешёвом чемодане. Никакой торжественности. Никакого почтения к тому, что когда-то было человеком.

Лицо.

Даже сейчас, даже после всех предупреждений, после морга, после этой девушки на набережной — удар под дых оказался сильнее, чем я ожидал.

Она.

Не Эмма. Я знал это. Рассудком, холодным, аналитическим отделом мозга, который всё ещё работал. Но та часть меня, что отвечала за чувства, за память, за каждый прожитый с ней миг — та часть захлебнулась криком, который не вышел наружу.

Та же линия скул. Тот же изгиб бровей. Волосы... спутанные, тусклые, но тот самый оттенок. Шоколад. Горький. И губы... даже в смерти, даже с синеватым отливом, они хранили ту особенность, почти детскую припухлость.

Майкл стоял в стороне, давая мне пространство. Его дыхание было ровным, профессиональным. Он видел сотни, тысячи тел. Для него это была работа. Для меня — ритуал погружения в бездну.

— Раны на теле, — начал он тихо, без навязчивости, просто констатируя факты. — Нанесены посмертно. Он экспериментировал. Проверял, как долго кожа сохраняет эластичность после остановки сердца. Резал, зашивал, снова резал. На левой голени следы инъекций. Несколько, разного времени. Возможно, пытался консервировать ткани.

Я слушал, впитывая каждое слово, словно мне читали учебник «Анатомия убийцы для начинающих».

Мои пальцы коснулись её руки. Ледяная. Восковая. Под кожей уже не мышцы, а что-то плотное, неестественное. Заменитель. Он что-то вводил в неё после смерти.

— Химический состав? — спросил я, не узнавая собственный голос.

— Формальдегид. Но в комбинации с чем-то ещё. Мы работаем над расшифровкой. Результат — замедление разложения в три-четыре раза по сравнению с нормой. Он не просто убивает, Крис. Он... сохраняет их. Как коллекцию бабочек под стеклом.

Коллекция.

Слово повисло в воздухе, тяжёлое, как могильная плита. Я смотрел в лицо девушки. Нет, не девушки. Экспоната. И видел в этом лице не смерть, а предупреждение.

— Он совершенствуется, — пробормотал я, изучая линию шрама на щеке. — До этого он просто убивал для развлечения, для удовольствия и подпитки своих извращённых потребностей. Но здесь... здесь он работал. Учился. Каждый новый труп — его художественная работа. Его произведение.

Я перевёл взгляд на руки. Пальцы — тонкие, с аккуратным маникюром. Она была живой, настоящей, со своими мечтами, страхами, будущим. А потом встретила его. И стала «материалом».

— Мы вскрыли швы, которые он наложил ей на рот и интимные места, там... — он запнулся, доставая из ящика стола прозрачный пакет для улики. — В вагине было найдено это.

В пакете лежала скомканная бумажка, пропитанная чем-то химическим. Видимо, чтобы в кислой среде влагилица бумага сохранилась.

Я надел перчатки и медленно вскрыл пакет. Бумага в моих руках казалась орудием убийства. Только не этой девушки, лежащей в трупном мешке, а моим собственным.

Тот же почерк, тот же посыл. Тот же человек.

" Часики тикают, Блэк. Кто знает, сколько твоей подружке ещё суждено продержаться. "

Челюсть сжалась.

Тик. Так.

Я медленно, с усилием разогнул пальцы, всё ещё сжимавшие края листка. Закрыл молнию на мешке. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

— Отчёт пришлешь Кайлу. Всё, что найдешь. Даже то, что покажется незначительным.

Майкл кивнул. Я уже шёл к выходу, когда его голос остановил меня:

— Крис... Ты выглядишь так, будто сам уже не живёшь, а... функционируешь. Ты ведь не спишь? Не ешь? Антонио сказал...

— Антонио слишком много говорит, — оборвал я, не оборачиваясь. — Я функционирую ровно настолько, насколько это необходимо. Всё остальное — роскошь, которую я не могу себе позволить.

— Но если ты сломаешься...

— Я не сломаюсь.

Я произнёс это с такой уверенностью, что даже сам почти поверил. Почти.

Кайл ждал меня у машины. Его лицо было бледным, под глазами залегли тени — он тоже не спал. Мы все превращались в призраков, метавшихся по городу в поисках ответов.

— Есть кое-что, — сказал он, протягивая мне планшет. — Мы прогнали все возможные места, где Лука может сделать следующий ход через алгоритм, который учитывает его паттерны. Вода, изоляция, доступность, возможность быстрой смены локации. Выпало три точки.

Я взял планшет. На экране высветилась карта восточного Лондона с тремя красными маркерами.

— Первая — старый газовый завод в Бектоне. Закрыт двадцать лет назад, частично демонтирован, есть подземные резервуары. Вторая — заброшенная насосная станция в районе доков Суррей-Куэйс. Третья... — он сделал паузу, — третья — бывшая психиатрическая лечебница «Сент-Мэтьюз» в Эссексе. Закрыта в девяностых. Территория огорожена, но охрана практически отсутствует. Есть корпуса с подвалами. И вода рядом. Река, притоки.

Я смотрел на экран, чувствуя, как в груди разгорается холодное, ясное пламя. Не надежда — это слово больше не имело для меня смысла. Что-то другое. Готовность.

— Начнём с завода, — сказал я. — Самый вероятный. Промзона, вода, изоляция. И он уже использовал похожие места раньше.

— А если это ловушка? — прямо спросил Кайл. — Если он хочет, чтобы мы пришли именно туда?

Я посмотрел на него. В его глазах был страх не за себя, за меня. За то, что я сделаю, когда найду её. Или не найду.

— Значит, мы придём, — ответил я. — И превратим его ловушку в его могилу.

Кайл долго смотрел на меня. Потом кивнул, доставая телефон.

— Я собираю группу. Будем готовы через час.

— Нет. — Я покачал головой. — Не группу. Ты, я, и двое самых тихих. Мы идём на разведку. Без шума, без вывесок. Просто... проверим.

— Это рискованно.

— Всё, что мы делаем сейчас — рискованно. Вопрос не в риске. Вопрос в результате.

Я сел в машину. Кайл сел рядом. Двигатель завёлся с привычным рычанием.

— Ты уверен, что она там? — спросил он тихо, глядя в лобовое стекло.

Я сжал руль. Перед глазами стояло лицо той девушки в морге. Потом — лицо Эммы. Живое, тёплое, с её странной, полувиноватой улыбкой. Вспышка воспоминания: её пальцы, касающиеся моей щеки. Её шёпот: «Ты найдёшь меня?»

— Да, — сказал я. — Я уверен, что она где-то там. И что он ждёт.

Тик-так.

Время ускорялось.

— Поехали, — бросил я, выжимая газ.

Город проплывал за окном серой, размытой лентой. Люди, машины, дома. Нормальная жизнь, которая шла параллельно нашему аду. Где-то сейчас смеялись дети, пили кофе влюблённые пары, спорили о политике в пабах. А здесь, в этой машине, ехала смерть. Моя. Его. Наша.

Исход этой гонки был предрешён задолго до того, как я впервые увидел её в больничном коридоре.

Оставалось только дописать финал.

Своей кровью.

Его кровью.

Её спасением.

ГЛАВА 7. ЛУКА

«Я научу вас любви.»

*Меня учили, что я — пустота.
Мусор. Ошибка. Корм для скота.
Мне говорили: в тебе нет ни капли Христа,
Только гниль, только порок, только тьма без следа.*

*Я верил. Сжимался. Терпел без конца.
Глотал унижения и кровь, несмотря на всю боль,
Но внутри, в темноте, твердили голоса:
«Ты станешь огнём. Ты сожжёшь эту роль».*

*Я смотрел, как чужие ладони
Гладят друг друга, детей, облака.
Меня не касались — боялись, как вони,
Как заразы, как то, что страшнее огня.*

*И тогда я решил: если мир не даёт мне тепла,
Я буду брать сам. До кости. До дна.
Пусть моя нежность — надрез, опьянение,
Но в алом цвете ты моя навсегда.*

*Я люблю тебя так: под рёбра, по венам,
Где пульс выбивает последнее «жить».
Я люблю тебя честно. Без слов, без измены,
Только плотью, которой мне дано владеть и любить.*

*Я не ждущ жалости.
Не прошу понимания.
Я давно не прошу, я беру.
Потому что единственный способ сдержать мироздание —
Это вскрыть себе грудь и улечься в дыру.*

*Я дитя, что никто не обнял.
Я щенок, что никто не забрал.
Я скулил, я кусался, я ждал у порога,
Пока мир милосердно меня не сломал.*

*Я научу вас любви, как книжный герой
Она пахнет железом и той первозданной тоской,
Что скребётся под черепом: «Оставь меня, дай мне»,
Но не умеет иначе — только быть взятой, быть мной.*

*Так слушай же, Лондон, как пахнет финал.
Как я, Морсбрингер, сжимаю свой скальпель.*

*Никто не напишет в газетах: «Плохой».
Никто не расскажет, как я тебя гладил.*

*По шраму. По коже. По мокрой щеке.
Как пил твою душу, как врал, что всё лечит.
Меня не расслышат на том языке,
Которым немые о смерти лепечут.*

*Но ты-то услышишь. Ты — моя плоть.
Ты выдох, зажатый меж рёбер и боли.
Ты то, что не смог победить Господь,
И то, что оставил мне в этом поле.*

*Я выиграл, Эмма.
Ты всё ещё дышишь.
Что смотришь? Страшно?
Согласен, урод.
Но ты моя отныне навеки,
Что, дорогуша, удивить тебя смог?*

Предвкушение первого акта моего представления становится всё сильнее. Эмма ведь даже не догадывается, какой подарок её ждёт. За всё время нашего с ней времяпрепровождения я повеселился на славу, но ещё недостаточно. Планы у меня грандиозные. В моей голове уже давно крутятся образы, как она выходит в свет в образе моей собачки. Все будут видеть её тоненькую фигурку, которая принадлежит только мне. Ошейник на её шее будет смотреться потрясающе, но лучше картина станет только тогда, когда Блэк увидит её новый имидж собственными глазами.

Оооо, я уже представляю этот шедевр. Эмма сидит у меня на коленях без единого лоскута одежды, с кляпом во рту и цепью на шее, вокруг нас будет всё окрашено в алый, мебель из человеческой кожи, трупы моих врагов вокруг и, конечно же, во главе них труп её отца. А когда войдёт Блэк... Мммм... Он будет смотреть, как я на его глазах поглощаю его дорогую Эмму всеми возможными способами. Её кровь — это нечто божественное. Никогда еще не пробовал настолько сладкого, невероятно чистого напитка. Приходится сдерживаться, чтобы мой спектакль не закончился раньше времени, потому что я уже сейчас готов выжать из неё все соки. Заполнить её полностью. Каждую дырочку присвоить себе и слушать её приглушенные стоны. Плевать я хотел, что она не хочет меня. Ненависть — это лакомый кусочек, которым она только подпитывает мой интерес к ней. Теревить её старые раны, пробуждать её внутренних демонов, вскрывать её душу живьем — вот что настоящее наслаждение.

Сколько бы я людей не расчленил, сколько бы крови не выпил — только два человека смогли вызвать у меня настолько ощутимые эмоции. Эмма и... *Катрин*.

Первая моя зависимость, первая девушка, чью плоть я попробовал на вкус. Она была той, кто снёс мне голову, и благодаря ей я стал тем, кем являюсь сейчас.

Маленький мальчик, которого оставили у порога детского дома всего спустя несколько дней после рождения. Мальчик, которого всегда гнобили и унижали сверстники. И мальчик, который устал от этого засранного человеческого говном мира.

Воспитатели были просто отвратительны. Пока я рос, мной никто не занимался, кроме Катрин. Она научила меня говорить, читать, писать, в то время как остальные преподаватели

смотрели на меня, как на отброса. Конечно, кто будет заниматься ребенком, которого мать оставила в железном ведре с запиской «утилизируйте». Если бы не Катрин — я бы еще младенцем сгнил в мусорном ведре.

Я помню её руки. Тёплые, мягкие, пахнувшие дешёвым мылом и ванилью. Когда она гладила меня по голове, мне казалось, что весь остальной мир перестаёт существовать. Только её голос, низкий, грудной, читающий мне сказки на ночь, хотя мне уже было десять, и я давно должен был спать в общей спальне. Но она оставляла меня у себя в каморке. Говорила, что я «особенный». Говорила, что только она понимает, какое сокровище скрывается под этой грязной, вечно битой оболочкой.

Я верил ей. Я любил её. Так, как умеет любить только ребёнок, впервые встретивший свет во тьме. Её коричневые волосы, немного отливавшие в рыжий, голубые глаза, изящные пальцы... Образ девушки, которая стала для меня идеалом.

Но дети в детдоме не любили меня.

— Утиль! Утиль пришёл! — орали они, когда я входил в столовую. Мальчишки, сытые, упитанные, с чистыми лицами и жестокими глазами. Их родители не сдохли, не спились, не выбросили их в мусорный бак. Они просто были временно не нужны. А я был нужен всегда — только как мишень.

Меня били. Каждый день. Подкарауливали в туалете, за гаражами, в раздевалке после физры. Пинали ногами в живот, пока я сворачивался клубком, пытаюсь защитить голову. Плевали в лицо. Обливали мочой в душевой. Один раз, зимой, засунули мою голову в унитаз и спустили воду — раз за разом, пока я не начал захлёбываться. Я помню ледяную воду в лёгких, помню, как мир становился чёрным, а они смеялись.

— Утиль тонет! Утиль идёт ко дну, как и положено мусору!

Я выжил. Тогда выжил.

А через неделю поймал бродячую кошку. Она была худой, грязной, с подранным ухом. Такой же мусор, как и я. Я принёс её в подвал, гладил дрожащими пальцами по свалывшейся шерсти и шептал: «Ты теперь моя. Только моя. Я никому тебя не отдам».

Я хотел, чтобы она любила меня. Чтобы мурлыкала, когда я её касаюсь. Чтобы смотрела на меня так, как Катрин, с теплом и с принятием.

Но кошка вырывалась. Шипела. Царапала мне руки до крови, пыталась убежать.

Тогда я сжал пальцы на её горле сильнее.

Она захрипела. Забилась. Её глаза — жёлтые, дикие, ненавидящие — смотрели на меня с тем же отвращением, с каким на меня смотрели мальчишки в туалете.

— Почему? — шептал я, сжимая её шею всё сильнее. — Почему ты меня не любишь? Я же дал тебе всё! Я спас тебя от холода, от голода! Я никому тебя не отдам! Почему ты не хочешь быть моей?!

Хруст. Тихий, мокрый, удовлетворяющий.

Я смотрел на её безжизненное тельце. Тёплая кровь текла по моим пальцам, таким же грязным, как и её шерсть. И вдруг я почувствовал то, чего не чувствовал никогда раньше.

Спокойствие.

Она больше не кричала. Не царапалась. Не смотрела на меня с ненавистью. Она была тихой. Покорной. *Моей.*

Я разделал её тем ножом, который стащил на кухне. Аккуратно, стараясь не повредить шкурку. Мне почему-то было важно сохранить её красивой. Потом долго сидел и смотрел на ровные кусочки плоти, разложенные на старом мешке. В подвале пахло сыростью, плесенью и железом — самым честным запахом в мире.

Я не ел её. Нет, тогда я ещё не понимал этого позыва. Я просто... владел. Впервые в жизни у меня было что-то, что никто не мог у меня отнять.

Через неделю я поймал крысу.

Потом ещё одну кошку.

Потом собаку — старую, больную, которую привязали к забору и забыли.

С каждым разом мои руки двигались увереннее. Я научился делать надрезы быстро, почти без боли для жертвы. Я научился слушать звук ломающихся костей. Хруст, похожий на треск сухих веток под ногами. Я научился ждать. Выслеживать. Получать удовольствие не от самой смерти, а от процесса. От того, как страх наполняет глаза жертвы, как тело сопротивляется, а потом сдаётся, признавая моё превосходство.

А потом случилась Катрин.

Она заметила перемены во мне. Я стал тише, скрытнее, чаще уходил в подвал. Она нашла меня там случайно, спустилась за старыми книгами и застала врасплох. Я сидел на корточках над телом голубя, аккуратно отделяя перья от тушки.

Она не закричала. Не убежала. Не вызвала полицию или санитаров.

Она подошла ближе, села рядом на корточки, её юбка коснулась грязного бетона. И тихо спросила:

— Тебе нравится это, Лука?

Я поднял на неё глаза, готовый к удару, к отвращению, к тому, что сейчас меня снова вышвырнут на помойку, как ненужный мусор.

Но в её взгляде не было отвращения.

Было понимание.

— Да, — прошептал я. — Это единственное, что мне нравится.

Она кивнула, словно я сказал что-то само собой разумеющееся. И улыбнулась. Той самой тёплой, мягкой улыбкой, от которой у меня внутри всё переворачивалось.

— Тогда мы должны делать это правильно, — сказала она. — Мы можем помогать зверушкам, чтобы им не было больно. Хочешь, научу?

Катрин научила меня всему. Анатомии на старых медицинских атласах, которые она приносила из городской библиотеки. Химии, объясняя, какие вещества замедляют разложение, а какие ускоряют, если животное не удалось спасти. Контролю, показав, как сдерживать голод, чтобы обернуть его во благо. И сначала это даже получалось.

Она была моей богиней. Моей создательницей. *Моей первой любовью.*

Ей было двадцать семь. Мне — двенадцать

Это было неправильно. Я знал это даже тогда. Но мне было плевать.

Я боготворил её. Каждое её слово, каждую улыбку, каждое мимолётное прикосновение, когда она поправляла мне воротник, когда гладила по голове, когда просто сидела рядом и читала вслух. Я собирал эти моменты, как сокровища, и прятал глубоко в сердце. Ради неё я готов был на всё. Убить? Я уже убивал. Умереть? Не задумываясь. Лишь бы она продолжала смотреть на меня этим тёплым взглядом, лишь бы не отвернулась, не бросила, не предала.

Она говорила, что я талантлив. Что у меня особый дар — видеть красоту там, где другие видят лишь уродство. Что однажды весь мир узнает моё имя.

Я верил ей. Потому что она была единственной, кто вообще говорил со мной. Единственной, кто видел во мне не мусор, не утиль, не ошибку природы. А человека.

А потом в детдом пришёл новый воспитатель. Мужчина. Высокий, широкоплечий, с тёплой улыбкой и руками, которые так и норовили задержаться на плечах Катрин чуть дольше положенного.

Я возненавидел его с первого взгляда.

Она таяла. Я видел, как менялся её взгляд, когда он входил в комнату. Как розовели её щёки. Как она поправляла причёску, проводила языком по губам.

Она смотрела на него так, как раньше смотрела на меня. Только на меня.

— Ты не понимаешь, Лука, — сказала она, когда я попытался заговорить с ней об этом. — Он хороший человек. Я имею право на личную жизнь. Ты ещё ребёнок, ты просто... привязался ко мне. Это пройдёт.

— Но ты обещала, — прошипел я, сжимая кулаки до белых костяшек. — Ты говорила, что я особенный. Ты говорила, что всегда будешь рядом.

— Я не могу быть рядом с тобой вечно, Лука, — её голос дрожал, но взгляд был твёрдым. — Ты вырастешь. У тебя будет своя жизнь. А мне нужно... жить дальше.

Жить дальше.

Без меня.

Она выбирала его. Предавала меня. Выбрасывала на помойку, как ту самую записку «утилизируйте».

— Ты пугаешь меня, — добавила она тихо. — То, что ты делаешь с животными, как ты смотришь на людей... Это ненормально. Я пыталась тебе помочь, думала, что смогу тебя исправить и направить твою особенность в правильное русло, но... я больше не могу.

Не могу. Исправить тебя.

Эти слова резали глубже любого ножа. Она — моя Катрин, мой свет, моя единственная — смотрела на меня с тем же отвращением, что и все остальные. Хотела меня исправить, когда я верил, что она приняла меня таким, какой я есть.

Я ушёл.

А через неделю она исчезла.

Обыскал весь детдом, все окрестности, подвал, где мы проводили столько времени. Ничего. Ни записки, ни прощания. Просто пустая комната, пустая вешалка в гардеробе, пустое место за столом в столовой.

Воспитатель, тот самый, с тёплой улыбкой и липкими руками, сообщил нам на завтраке:

— Катрин уволилась. Уехала к родственникам в другой город. Просила передать, что будет скучать по всем вам.

Он смотрел прямо на меня, когда произносил эти слова. И улыбался.

Я не поверил. Ни единому слову.

Той же ночью я пробрался в архив. Нашёл её личное дело. Адрес. И через две недели, сбежав из детдома, добрался до её дома.

Она не была у родственников. Она была в старой, обшарпанной квартире на окраине города. Живая. Целая. И не одна.

Я смотрел в окно с пожарной лестницы, как он целует её в прихожей. Как её пальцы запутываются в его волосах. Как она смеётся... тем смехом, которым когда-то смеялась только для меня. Она не уехала. Она просто избавилась от меня.

Я проник в квартиру, когда он ушёл. Она сидела на кухне, пила чай, читала книгу. Такая спокойная, такая красивая, такая предательница.

— Лука? — она подняла глаза, и в них мелькнул страх. Настоящий, животный страх. Не за меня, а за себя. — Что ты здесь делаешь? Как ты...

Я не дал ей закончить.

Нож вошёл мягко, почти нежно. Прямо под рёбра, туда, где бьётся сердце. Я знал анатомию. Она научила меня.

Катрин застыла. Её губы приоткрылись, но из них вырвался только тихий удивлённый вздох. Кровь, тёплая, густая, хлынула на мои руки, на её любимый вязаный кардиган, на страницы раскрытой книги.

— Ты обещала, — прошептал я, глядя, как угасает свет в её глазах. — Ты обещала, что всегда будешь со мной.

Её тело сползло на пол. Я опустился рядом, положил её голову себе на колени. Гладил по волосам, таким же мягким, как в моих воспоминаниях, и смотрел, как жизнь утекает из неё алой медленной рекой.

— Теперь ты моя, — сказал я. — Навсегда.

Ублюдка я тоже убил. Он не успел перешагнуть порог, как нож проткнул его живот. Теперь он лежит в гостиной со своим же членом во рту.

Я оставался с ней три дня. Разговаривал. Рассказывал о том, как сильно я её люблю и как сильно ненавижу. Целовал её холодные губы. Вдыхал запах разложения, смешанный с ванилью — это был самый честный запах в мире.

А потом я съел её сердце.

Не из голода. Из любви. Чтобы она навсегда осталась частью меня. Чтобы никто — ни тот мужчина, ни время, ни сама смерть — не смогли отнять её у меня.

Оно было горьким. И сладким. Идеальным.

В тот момент я перестал быть Лукой — брошенным ребёнком, жертвой и мусором. Я стал тем, кем должен был родиться.

Морсбрингером. Тем, кто приносит смерть. Тем, кто превращает страдание в искусство. Тем, кто никогда больше не позволит никому бросить себя.

Теперь, глядя на Эмму, скорчившуюся у батареи в луже собственной крови, я вижу в ней отражение Катрин. Та же уязвимая красота. Тот же страх в глазах. То же непонимание того, что сопротивление только разжигает мой голод.

— Ты думаешь, он спасёт тебя? — шепчу я, касаясь пальцами её щеки. Она вздрагивает, отворачивается, но я сжимаю её подбородок, заставляя смотреть на меня. — Никто не спасёт тебя, Эмма. Ты моя. Так же, как она была моей. Так же, как все они были моими.

Я провожу большим пальцем по её губе, размазывая свежую кровь.

— И когда я закончу с тобой, когда выпью тебя до дна... — я наклоняюсь ближе, почти касаясь её рта своим, — ты будешь благодарить меня. Потому что я единственный, кто увидел в тебе настоящий шедевр.

Она молчит. Только слёзы текут по её щекам, смешиваясь с кровью.

Но слёзы — это тоже эмоция. А эмоции — это топливо.

Я встаю, поправляя пиджак. Время ещё есть. Спектакль только начинается.

— Скоро начнется представление, — бросаю я через плечо, направляясь к двери. — Через час тебе принесут одежду, приведи себя в порядок. Не думаю, что зрители будут довольны таким пошарпанным экспонатом.

Её всхлип за спиной — лучшая музыка.

Я закрываю дверь и улыбаюсь.

Скоро. Очень скоро Блэк получит своё приглашение.

И тогда начнётся настоящий финал. Но для начала первый акт моей пьесы должен увидеть ещё один не менее важный человек. Жду не дождусь встречи с ним.

Пару дел по работе — и можно готовиться к выходу на сцену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.